

ВЕРА ИВАНОВНА
КРЫЖАНОВСКАЯ-РОЧЕСТЕР

**ФАРАОН
МЕРНЕФТА**

Египетские ночи

Вера Крыжановская-Рочестер

Фараон Мернепта

«Public Domain»

1888

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Крыжановская-Рочестер В. И.

Фараон Мернефта / В. И. Крыжановская-Рочестер — «Public Domain», 1888 — (Египетские ночи)

ISBN 978-5-486-03960-7

Вера Ивановна Крыжановская (в замужестве Семенова; псевдоним Рочестер; 1857—1924) — русская писательница, автор сентиментальных женских романов, исторических и оккультных произведений, которые были весьма популярны в начале XX века. Родилась в Варшаве, образование получила в Санкт-Петербурге; в 1880—1890-х годах жила в Западной Европе. Писать начала с 18 лет; в совершенстве владея многими иностранными языками, первые произведения писала на французском языке и издавала их в Париже. Следуя традиции, распространенной среди спиритов, Крыжановская утверждала, что ее романы были продиктованы ей духом английского поэта Джона Уилмота, графа Рочестера, верившего в посмертное существование души на земле (отсюда ее псевдоним, который она ставила на произведениях рядом со своей фамилией). Получила широкую известность как спирит-медиум. После революции эмигрировала в Эстонию, где и умерла от непосильного физического труда, работая на лесопильном заводе Роман «Фараон Мернефта», публикуемый в этом томе, по сути, представляет собой библейскую историю пророка Моисея и исхода евреев из Египта, рассказанную непосредственными участниками тех событий — матерью Моисея, его другом Пинехасом и телохранителем фараона.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03960-7

© Крыжановская-Рочестер В. И., 1888

© Public Domain, 1888

Содержание

Рассказ Термутис	7
Рассказ Пинехаса	27
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Вера Ивановна Крыжановская

Фараон Мернефта

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Рассказ Термутис

Когда разыгрался эпизод, решивший мою судьбу, двор находился в Танисе, который был любимым местопребыванием моего брата, фараона Рамзеса II.

Я была молодой девушкой, веселой, беззаботной, доброй, но слабохарактерной. Всеми любимая и балуемая, привыкшая к тому, что окружающие подчинялись моим прихотям, я жила счастливо, гордясь саном и красотой, в уверенности, что будущность готовит мне лишь розы; сердце мое было свободно, и ни один из ухаживавших за мною мужчин мне не нравился.

В число моих постоянных поклонников входил один знатный молодой египтянин по имени Шенефрес. Это был красивый мужчина лет двадцати шести – двадцати семи, обладатель внушительного состояния, пользовавшийся милостью Рамзеса, при котором он занимал высокую должность; мне же, не знаю почему, он внушал неприязнь.

Однажды на празднике я почувствовала усталость. Желая побыть в одиночестве, я ушла в сад, издали сопровождаемая одной из моих женщин, и быстро направилась к беседке из акаций, расположенной вблизи реки и особенно мною любимой. Войдя туда, я с изумлением увидела Шенефреса, лежавшего на каменной скамье в припадке сильнейшего горя.

При виде меня он вскочил на ноги и хотел выйти, но отчаянное выражение его лица тронуло меня, и, преодолевая внутреннее отвращение, я спросила о причине печали и о том, не могла ли помочь ему извлечь червя, который точит его сердце.

Шенефрес смутился и, бросившись к моим ногам, поцеловал края моей одежды и признался, что любит меня, умоляя сказать, может ли он надеяться, что я когда-нибудь изберу его в мужья.

Я уже сказала, что не любила Шенефреса. Его слова, как ни были они смиренны, мне не понравились, и я, облекшись в царственную гордость, отвечала, что он никогда не внушит мне иных чувств, кроме тех, какие дочь фараона может питать к слуге.

Он встал, скрестив руки на груди, почтительно поклонился, умоляя простить его безумную смелость; отворачиваясь от него, я увидела неумолимую ненависть, сверкавшую в его черных глазах.

Увы, эта неприязнь, которой я тогда пренебрегла, должна была сыграть значительную роль в моей жизни.

Во время пребывания в Танисе я заметила, что моя лучшая подруга и собеседница, Аснат, печальна и задумчива, со слезами на глазах. Я привлекла ее на свою плоскую кровлю, заставила усесться с собою рядом и сказала, пожимая ее руки:

– Дорогая Аснат, открой причину твоей грусти; быть может, мне удастся тебе помочь.

Не отвечая ничего, Аснат опустилась к моим ногам и, спрятав голову у меня на коленях, разрыдалась.

– Ну же, скажи мне все, – шептала я, глядя ее волосы. – Не может быть, чтобы мы вдвоем не нашли средства против твоего горя.

Она поцеловала мои руки и тихо отвечала:

– Только тебе одной, Термутис, моя подруга и повелительница, могу я во всем признаться. Я люблю и любима, но любовь моя несчастна, боги никогда не благословят ее. Ты знаешь, как тщеславен, жесток и строг мой отец... Он никогда не отдаст меня тому, кого я люблю...

– Кого же ты любишь? – спросила я с удивлением. – Разве это человек нечистой касты или какой-нибудь презренный аму? Но как он мог тебе понравиться, ведь ты можешь выбирать между самыми изящными придворными?

– Нет! – воскликнула Аснат. – Тот, кого я люблю, египтянин, великий артист – добрый и прекрасный, – скульптор и называется Апофис. Некоторое время он работал в Фивах у своего

дяди, который работает на моего отца, строит нашу семейную спальню и дворец. Там я увидела его, и мы полюбили друг друга. В настоящее время у него здесь собственная мастерская, я встречала его два-три раза на улице, но не могла поговорить, даже взглянуть на него поближе, так как не было никакого предложения. Боюсь, как бы отец чего-нибудь не заподозрил, – он безжалостно погубил бы моего милого.

– Не плачь, Аснат, – сказала я весело. – Завтра ты увидишь своего возлюбленного. Я сама отправлюсь к скульптору и закажу ему статуэтку Хатор из зеленого мафкатского камня. Апофис сделает для меня ее, а также бюст нашей дорогой подруги Семнутис, которую несколько недель назад призвал к себе Озирис. Прикажи, чтобы завтра, до наступления зноя, мои носилки были готовы и свита могла сопровождать меня.

На следующий день я села в носилки, посадила с собою рядом трепетавшую Аснат и приказала нести нас к скульптору Апофису.

Утро было великолепное, я с наслаждением совершила эту долгую прогулку, так как мы вышли из города и носильщики остановились в одном из предместий перед домом скромной наружности, окруженным густым садом.

Предупрежденный моими скороходами, молодой художник, весь красный от волнения, стоял на пороге своего дома. При моем приближении он пал ниц, громко славя богов, которые благословили его жилище, приведя в него сестру фараона.

Я вышла из носилок, сказав совершенно растерявшейся Аснат:

– Не смущайся. Он прехорошенький.

Затем я выразила желание посетить мастерскую скульптора, чтобы судить о его работах и заказать ему кое-что.

Апофис почтительно пригласил меня в большой сарай, открытый с двух сторон, где была масса каменных глыб различной величины и несколько статуй, еще не готовых.

Посередине, около огромной статуи Озириса, на подмостках стоял человек, занятый полировкой камня. Он был так погружен в работу, что, казалось, ничего не видел и не слышал.

– Итамар! – воскликнул с упреком Апофис. – Разве боги поразили тебя безумием! Дочь фараона удостаивает своим присутствием наше скромное жилище, а ты сидишь, как сорока, повернувшись спиной к царевне.

Человек, к которому обращалась эта речь, обернулся, ловко спрыгнул на пол, сложил руки и встал неподвижно, как статуя Озириса.

С минуту смотрела я на него как зачарованная: никогда в жизни я не видела создания столь совершенной красоты. Высокий, стройный, идеально сложенный Итамар с черными вьющимися волосами, которые обрамляли бледное лицо с правильными чертами.

Но всего прекраснее были его глаза – черные и ясные, в которых выразались такая доброта и столько было прелести, что я забыла обо всем на свете.

Оторвавшись от этого прекрасного зрелища, я приказала показать всё. Апофис вместе с Итамаром провел меня по мастерской, и я заказала ему еще два бюста: мой собственный и моей подруги, прибавив, что модели из глины должны быть слеплены во дворце.

Уходя из мастерской, я взглянула на Итамара. Он стоял в нескольких шагах от меня, на мгновение его горячий странный взгляд встретился с моим, мое сердце сильно забилося, я, как во сне, вышла и села в свои носилки.

Сияющая от радости Аснат шепотом благодарила меня, но я почти не слышала ее слов.

На следующий день Апофис пришел вместе с помощником, и оба принялись за работу. В течение этого часа Аснат часто обменивалась с Апофисом взглядами и словами любви; на меня же присутствие Итамара действовало подавляюще, я задыхалась, и его взгляд жег меня огнем.

Однажды Апофис пришел один, мне очень хотелось спросить его о том, где его работник, но гордость и стыд заставляли молчать. На другой день скульптор снова пришел один; беспо-

койство мое усилилось, я не находила себе места; наконец Аснат, словно угадав мои тайные мысли, спросила, почему нет Итамара.

– Он болен, – отвечал Апофис.

– Кто-нибудь заботится о больном? – спросила я, сдерживая вздох.

– Он живет у своего шурина Амрама, а его сестра Иохабед ходит за ним. Они люди бедные, но добры и любят его.

– Почему ты так близок с каким-то аму? – спросила я.

– В Танисе их столько, что нельзя не знать их. Кроме того, мы с Итамаром знакомы давно, его талант к ваянию и кроткий нрав заставили меня полюбить его.

– Аснат, – сказала я, – прикажи передать корзину плодов и амфору лучшего вина Апофису – это для его друга на время его выздоровления.

С этого дня я ощутила какую-то внутреннюю пустоту, мне не хватало Итамара. Во сне я слышала задумчивый, мелодичный звук его голоса, а его прекрасное лицо и чудные глаза завораживали меня. Тщетно я внушала себе, что он презренный ремесленник, сын презираемого племени. Как только моя слишком острая память воспроизводила эти образ и обольстительную улыбку, я забывала о его происхождении, низком общественном положении – все предубеждения исчезали, всякое рассуждение уступало место неодолимому желанию во что бы то ни стало повидаться с ним.

Я не могла больше обманывать себя, да, я питала безумную страсть к отверженному, нечистому, между нами бездна. Ярость и стыд мучили меня, я боялась самой себя. Уж не овладел ли мною какой-нибудь злой дух?

Я стала сторониться окружающих, мне казалось, что всякий мог прочесть страшную тайну по моему лицу.

Желая избавиться от мучений, я искала развлечений, посещала храмы, приносила дары и жертвы богам, часами стояла на коленях с горячей молитвой на устах, умоляя невидимых спасти меня от наваждения и прогнать из моего сердца даже мысль об аму.

Я начала замечать, что Аснат с тревогой поглядывает на меня, но говорить не смеет.

Как-то вечером мы остались вдвоем в саду на небольшой террасе, выходящей на Нил. Облокотившись о балюстраду, я смотрела на воду, погруженная в мрачные мысли; солнце садилось, обливая своими красноватыми лучами блестящую поверхность реки и листву деревьев. Я повернула голову, чтобы сказать что-то Аснат, и снова заметила в ее глазах странное выражение.

– Что за привычка смотреть на меня так, словно ты следишь за мной, – проворчала я.

Вместо ответа Аснат упала к моим ногам и, схватив мои руки, покрывала их поцелуями и слезами.

– Термутис, так не может продолжаться. В твоей душе происходит что-то ужасное. Ты бледнеешь и худеешь, сон бежит от твоего изголовья, лицо горит, а руки холодны как лед. Знаю, что недостойна твоего доверия, но так люблю тебя, ценою жизни могла бы доказать мою признательность. Я знаю больше, чем ты думаешь, – не без причины удалила твоих прислужниц и сама охраняю твой сон. Уста изменяют тебе, выдают то, что мучит сердце, и ты неоднократно звала Итамара. О Термутис, прими мою помощь и любовь, чтобы сохранить это имя в тайне, чтобы оно не стало твоим позором и гибелью несчастного.

Я была уничтожена; все прыгало в потемневших глазах: во сне я выдала себя. Если бы подслушивал кто-нибудь другой, а не верная Аснат, о, тогда смерть была бы счастьем.

Я обняла подругу детства за шею, прижала лицо свое к ее щеке и оросила слезами. Я испытывала адские муки, и никто не мог меня утешить, ибо происхождение любимого было ненавистно, я должна была забыть его или презирать себя.

Когда первое волнение улеглось, мы разговорились.

Аснат поклялась молчать, теперь у меня была поверенная, и я могла рассказывать ей о чувстве, поглощавшем все мое существо.

Несколько дней прошло сравнительно покойно, я всеми способами старалась оставаться наедине с подругой. Ложась спать, я отпускала своих женщин, и мы с Аснат беседовали часами.

Однажды ночью сидели мы у открытого окна, вдыхая аромат, доносившийся из сада. Во дворце все спало, и только крики часовых нарушали тишину, как вдруг под моими окнами раздался шорох и на колени к Аснат упал камешек с привязанным к нему клочком пергамента. Она жадно схватила папирус и при свете луны прочла его.

– Это послание Апофиса, – вымолвила она, краснея. – Его принес выздоровевший Итамар. Он же доставит и мой ответ: если позволишь, напишу его на твоих табличках.

Я кивнула в знак согласия. Сердце до того сильно билось, что рвалось из груди: в нескольких шагах от меня был Итамар. Мне хотелось побеседовать с ним, расспросить о здоровье, это было так естественно и для меня вполне пристойно. Когда Аснат вернулась с табличками, я объявила о своем желании; она не стала возражать, но, опасаясь, как бы под окнами не увидели мужчину, высунулась из окна и приказала Итамару пройти в крытую беседку; затем, подав руку, помогла мне сойти с террасы. Ноги дрожали, хотя я не опасалась, что нас заметят; если бы даже какой-нибудь часовой увидел меня гуляющею с подругой, то это не удивило бы его: мы часто наслаждались ночной свежестью, предпочитая отдыхать во время утомительного дневного зноя.

Мы уже подходили к беседке из акаций, когда Аснат припомнила, что оставила на столе какую-то вещь, которую хотела отослать Апофису. Извинившись, она быстро вернулась во дворец.

В первый раз я очутилась наедине с Итамаром, который, весь освещенный луною, стоял в нескольких шагах от меня, облокотившись на каменную скамью. Он похудел, прекрасное лицо омрачилось страданием и унылой печалью. Мною овладело горячее желание утешить его; я сделала несколько шагов к скамье и произнесла:

– Итамар, что с тобой?

При звуке моего голоса он вздрогнул, устремил на меня смущенный взор и упал к моим ногам.

– Солнце сияет слишком высоко, – пробормотал он. – Лучи его не могут дойти и прогнать туман, омрачающий душу бедного и нечистого, но тебя, светлая дочь фараона, да благословят и сохранят боги. Да осыплют они тебя всеми благами за слова сострадания, с которыми ты с высоты трона обращаешься к человеку более ничтожному, чем прах, попираемый твоей стопой.

Он на коленях приполз ко мне и, схватив край моей одежды, прижал его к своим губам.

– О царевна, охотно заплачу жизнью за то, что посмел дотронуться до тебя.

Трудно описать, что я почувствовала.

Тихий, дрожавший от сдерживаемой страсти голос опьянял меня; глаза, блестящие опасением и возбуждением, очаровали меня.

Невольно я положила руку ему на голову, и пальцы погрузились в густые шелковистые кудри. При этом прикосновении я задрожала и, забывая осторожность и предрассудки, произнесла прерывавшимся от слез голосом:

– Ты страдаешь не один, Итамар, да послужит тебе это утешением. Я плачу, потому что происхождение твое – бездна между тобой и дочерью фараона.

При этих словах Итамар вскочил на ноги, схватив обе руки мои, склонился ко мне, жадно читая в моих глазах то, что я не в силах была скрывать. Он привлек меня в свои объятия, его пылающие уста слились с моими, шепча:

– Термутис...

Час спустя, возвращаясь в свои комнаты, я чувствовала себя оглушенной. Аснат, бледная и встревоженная, помогла мне лечь, но я не могла уснуть, опьянев от счастья, и в то же время ощущала себя угнетенной.

Что сказали бы Рамзес и жрецы, если бы узнали правду? Но я гнала эту мысль подальше от себя.

Прошло несколько недель. Под контролем верной Аснат я несколько раз виделась с Итамаром и трепетала от одной мысли, что мы расстанемся навсегда. А между тем неизбежная разлука приближалась, двор готовился к возвращению в Фивы. В слепой страсти я вздумала принять Итамара в число своих служителей, чтобы увезти с собою, но в ночь, когда мы должны были все решить окончательно, он не пришел на свидание. Вместо него явился Апофис.

– Я все знаю, царевна, – сказал он в виде извинения. – И пришел умолять вас на коленях прекратить отношения с моим другом, ибо все мы рискуем головой. Мне кажется, за вами уже следят.

Он восстал против моего намерения увезти возлюбленного, уверяя, что у самого Итамара хватит ума отказаться, и я вынуждена была уступить, поставив единственным условием еще одно свидание, чтобы проститься.

Шенефрес после сурового отказа держался от меня на почтительном расстоянии, но однажды на пиру я уловила его взгляд, полный ненависти, ярости, насмешки, а от прежнего почтения не осталось и следа. Но откуда ему было знать?.. Нет, это невозможно!.. Нечистая совесть всюду заставляла видеть призраки.

Накануне отъезда я свиделась с Итамаром. С горькой печалью я вырвалась из его объятий, в последний раз он прижал руку мою к своим губам и исчез.

Мрачной и унылой возвращалась я в Фивы, но для устранения подозрений вела привычный образ жизни. В то же время я сделала открытие, которое едва не лишило меня рассудка...

Я не смогла рассказать об этом даже верной подруге, холодный пот выступал при одной мысли о том, что меня ожидало. Только инстинкт заставлял меня молчать, и я скрывала тайну, заставляя себя казаться веселою и не жалея румян для побледневшего лица.

Как-то вечером, когда я отпустила свою свиту, Аснат, оставшаяся со мною наедине, стараясь развлечь меня болтовнею, вдруг сказала:

– Знаешь, брат шепнул, что сегодня за обедом Рамзес говорил о тебе: ему кажется, что тебя сглазили, поэтому он приказал великому жрецу храма Амона прислать врача, который принесет амулеты. И вправду, Термутис, ты плохо выглядишь, знаю, что тебя мучит любовь к еврею, но сама знаешь, что должна о нем забыть.

Я ничего не ответила: казалось, что сердце разорвется от страха. Завтра придет жрец и врач, посланный Рамзесом, и правда, лишившая меня покоя, будет открыта. Вид мой был так ужасен, что Аснат, взглянув на меня, воскликнула:

– Термутис, что с тобой?

Я привлекла ее к себе и открыла все...

Бледная как смерть, Аснат закрыла лицо руками.

– Мы все погибли, – прошептала она. – Что ты сделала, Термутис! А Итамар, как он посмел!..

– Оставь его, я одна виновата, – ответила я, закрывая ей рот.

Мы провели ужасную ночь, и только под утро усталость заставила погрузиться в тяжелый и глубокий сон.

Проснувшись, я приказала себя одеть, наругавшись и уселась на небольшой террасе, украшенной цветами. Воздух был свеж, но от страха перед тем, что должно было произойти, все мое тело горело. Я отпустила всех, кроме нескольких женщин, которые оведали меня опалами, и ждала жреца. Аснат занималась рукоделием, но ужас сковывал ее уста и заставлял дрожать руки.

Жуткие мысли прервал придворный, явившийся доложить, что со мной желает поговорить Суанро, врач храма Амона.

Когда жрец приблизился и сел рядом, в моих глазах потемнело. Я неоднократно видела Суанро, не обращая на него особого внимания, но в эту страшную минуту черты его лица врезались в трепетавшую душу.

То был еще человек молодой, прекрасное, спокойное лицо которого выражало искреннюю доброту; его глубокие глаза, казалось, читали в сердце человека, как в раскрытой книге.

Не спуская с меня глаз, он начал расспрашивать, затем положил руку на мою грудь. Не знаю, что и как я отвечала: я видела глубокую морщину, собравшуюся на челе ученого... Аснат казалась превращенной в соляной столп. Наконец врач встал и, скрестив руки на груди, произнес:

– Уходите все. Я должен произнести заклинание против злых духов, расстроивших здоровье царевны.

Несмотря на опасения, я неожиданно почувствовала облегчение, когда мы остались одни.

– Несчастливая дочь царей! – произнес он. – Признайся во всем врачу и жрецу, которому ты можешь доверять, ибо он посредник между тобою и богами.

Невольно я опустила на колени и с немой мольбой воздела к нему руки. Сквозь судорожно сжавшееся горло я пролепетала:

– Пощади.

– Несчастливая, какой просишь ты пощады?

– Молчания, – отвечала я и залилась слезами.

Суанро поднял меня, усадил на место и сказал:

– Ты просишь многого, но если будешь мне доверять, то я исполню твою просьбу, потому что твои слезы и глубокое раскаяние трогают меня. Термутис, признайся во всем без утайки, ибо я должен знать, кто виновник твоего позора, и клянусь величайшим из богов, которому служу, что буду молчать.

Мое признание поразит его ужасом: я нарушила все правила нашей веры и осквернила свою честь прикосновением к нечистому.

– Открой свою тайну, дочь моя, – говорил жрец. – Не бойся ничего.

С подавленным рыданием я снова упала на колени.

– Суанро, произнести это имя я могу лишь лежа во прахе перед представителем богов.

Он наклонился ко мне, и дрожавшие уста мои решились пролепетать рассказ о том, что произошло.

Жрец вскочил с места и схватился за голову.

– Да, – сказал он, глядя на меня с отвращением. – Боги лишили тебя благодати, несчастная, злой дух овладел твоей душой и помутил разум.

– Ты прав, – отвечала я. – Слепую любовь к нечистому человеку внушил мне злой дух, хотя я боролась против чувства, хотела забыть его, молилась и приносила в храмах жертвы. Но бессмертные отвернулись от меня. Знаю, что виновна, заслужила страдания и сорок два подземных судьи обрекут душу мою на тяжелое искупление. Так скажи мне, жрец Амона, может ли самоубийство искупить преступление? Сегодня же прекращу оскверненное существование, жизнь моя погибла, все мне противно...

Судорожные рыдания помешали мне продолжать. Жрец усадил меня на место и, положив руку на мою голову, прочитал молитву, прося прощения и покровительства; затем произнес с добротой:

– Успокойся, Термутис, я сделаю все, чтобы спасти тебя, но и ты не проговоришься, что я знал истину. Теперь отдохни, а я пойду к Рамзесу, затем пришлю тебе амулет, который даст силы против очаровавшего тебя злого духа.

С благодарностью я схватила руку великодушного врача и прижала к губам.

Вечером Суанро снова пришел и сообщил, что все устроилось. Фараон, узнав, что на меня напал злой дух, согласился исполнить все требования жреца: я должна была покинуть Фивы и в сопровождении приближенной свиты отправиться в Танис, где мне предстояло жить в уединении, пока молитвы и лечение не возвратят здоровья. Суанро обещал поддерживать меня; я также поклялась никогда не видеться с Итамаром.

Итак, я уехала в сопровождении Аснат, кормилицы, знавшей мою тайну, и нескольких верных служанок и слугителей и поселилась в Танисском дворце.

Я вела спокойную уединенную жизнь, не видела Итамара и думала о нем как о погубившем меня злом духе, но меня удручала мысль о том, что станет с ребенком, который должен был скоро родиться.

Я часто говорила об этом с Аснат, и однажды она мне сказала:

– Видела Итамара и Апофиса, и вот что еврей просил передать тебе. Его сестра Иохабед тоже ждет ребенка. Она согласилась объявить, что родила двух близнецов, и воспитывать крошку, которого ты не можешь держать при себе как собственное дитя.

Эта новость меня порадовала: маленькое создание будет воспитано отцом; что же касается материального благоденствия, то об этом я смогу позаботиться.

Я должна упомянуть еще об одном факте, о котором узнала лишь впоследствии. Старый гелиопольский жрец, знаменитый своими предсказаниями, возвестил:

– Вскоре от отца-еврея родится ребенок мужского пола, который, достигнув зрелых лет, составит несчастье всей страны: по его вине осквернится священный Нил, страна будет разорена и усеется трупами, все первенцы египтян погибнут, а гробница фараона, который после Рамзеса будет носить венец Верхнего и Нижнего Египта, навеки останется пустою, ибо только рабам будет известно, где погребено тело царя.

Рамзес, на которого это предсказание произвело сильнейшее впечатление, созвал тайный совет для обсуждения мер, которые предотвратят страшные бедствия.

Было решено скрыть это предсказание от народа, который, будучи боязливым и суеверным, мог развязать кровавую войну. Также под предлогом, что евреев стало слишком много, было решено в течение года истреблять всех новорожденных мальчиков.

Живя в Танисе, я ничего этого не знала, никого не видела и никуда не выходила. Гуляла только в садах или каталась в лодке по ночному Нилу. Очень скоро я должна была родить, со дня на день я ждала прибытия Суанро, как вдруг заметила, что Аснат находится в странном волнении.

Я стала ее расспрашивать; сперва она отказывалась говорить, но после моего приказа призналась, что опасается неизвестного врага, ибо Итамар уже дважды едва спасся от руки убийцы. Апофис и родственники умоляли его покинуть Танис, но он говорил, что не дорожит собственной жизнью и не покинет город в минуту рождения ребенка, который попадет в страшную опасность, если окажется мужского пола. И Аснат пришлось сообщить мне о беспощадном указании Рамзеса, уже приводившемся в исполнение.

Все эти вести напугали и расстроили меня. Я не хотела, чтобы Итамар умер; он околдовал меня: я боялась его, но любила всеми фибрами души. Я послала к нему Аснат с приказанием скрыться, но это ни к чему не привело.

– Скажи Термутис, – ответил он, – что я остаюсь, и если умру ради нее, то буду счастлив. Мое сердце сильно забилося.

– Остается одно лишь средство, – решила я, – мне самой нужно поговорить с ним, меня он слушает.

Аснат пыталась остановить меня, но я не сдавалась. Мне хотелось во что бы то ни стало повидаться с Итамаром, и, посвятив в тайну свою кормилицу, я начала обдумывать план действий.

Ночью я выразила желание прогуляться по Нилу, мы с Аснат и кормилицей сели в лодку, управляемую четырьмя верными гребцами, и направились к кварталу чужестранцев.

Лодка причалила к роще диких смоковниц, и мы быстро направились к жилищу Иохабед.

Аснат остановилась у бедной, обнесенной забором хижины и постучалась. Из хижины доносились стоны. Предчувствуя недоброе, я сама открыла калитку. Зрелище, представившееся моим глазам, лишило меня рассудка: среди бедно обставленной, слабо освещенной комнаты в луже крови лежал Итамар, а в грудь его по самую рукоятку был воткнут нож. Две женщины и мужчина растерянно бегали вокруг трупа.

Забыв все, я бросилась вперед, уронив покрывало, упала на колени возле мертвеца. Тело Итамара уже было холодным, я наклонилась над ним, все закружилось перед глазами. Как в тумане я видела евреек, указывавших на меня пальцами и о чем-то жарко шептавших, затем я потеряла сознание...

Придя в себя, я обнаружила, что все еще нахожусь в хижине Итамара, а спустя еще несколько минут родила сына.

Бледные и дрожащие от страха кормилица и Аснат едва дали мне поцеловать новорожденного; кормилица, женщина сильная, взяла меня на руки и вынесла на улицу.

Вскоре я лежала в своей лодке, разбитая духом и телом. Гребцы направились к дворцу.

– Всемогущие боги, – прошептала я, – сколько времени мы провели там?

– Около трех часов, – отвечала Аснат, нежно целуя мою руку. – Успокойся, Термутис, теперь все будет хорошо, никто не заподозрит, что ты разрешилась от бремени. Сама Хатор внушила тебе мысль об этой поездке.

– Ребенка убьют так же, как убили его отца, – прошептала я с горечью.

– Гляди, – сказала Аснат, восторженно простирая обе руки к сиявшему светилу, – Ра выходит из тьмы и божественными лучами освещает твое возвращение во дворец. Это – счастливое знамение для тебя и для невинной крошки, которого хорошенько спрячут.

Через полчаса лодка причалила к каменной лестнице, до которой доходила аллея, ведущая в мои покои.

На первой ступени я заметила стоявшего человека в сиявшей белизной одежде жрецов; то был мой врач и спаситель, явившийся по обещанию, чтобы помочь скрыть страшную тайну. Он пошел навстречу и пожал мне руку, но я была так слаба, что люди мои принуждены были отнести меня в комнату, где Аснат и кормилица с помощью врача уложили меня и окончательно привели в себя. Врач приготовил питье, которое чудесным образом меня подкрепило; когда я немного оправилась, он приказал оставить нас одних.

– Дочь моя, – произнес он, усаживаясь возле кровати, – я вижу, что самое трудное миновало, но где ребенок?

Когда я рассказала ему все, он кивнул головою.

– С радостью вижу, дочь моя, что боги сжалились и чудесным образом избавили тебя от опасности. Ребенок находится там, где ему следует быть, а околдовавший тебя человек предан заслуженной смерти, ибо осмелился осквернить дочь фараона. Теперь будет легко тебя вылечить. Отдыхай и продолжай принимать это питье, оно даст тебе силу скрыть истину от твоих приближенных, чтобы не возбудить подозрений.

Я поблагодарила его и, приказав Аснат подать мне ларец, наполненный драгоценностями, сказала:

– У тебя есть восьмилетняя дочь, Суанро. Да воздадут тебе боги то добро, которое ты мне сделал, в ней. Когда ты выберешь ей достойного ее мужа, прибавь к приданому вот это на память о бедной Термутис.

Оставшись одна, я заснула, а после того крепительного сна приказала Аснат одеть меня и перенести на плоскую кровлю. Я хотела, чтобы меня видели.

Мне доложили, что Шенефрес, прибывший из Фив с поручением от фараона, просит принять его.

В такую минуту вид этого человека был мне вдвойне ненавистен, но он явился от имени Рамзеса, и я не могла отказать.

После обычных приветствий он сказал:

– Царевна, прикажи свите отойти, ибо то, что мне доверено передать тебе от имени фараона, не должен слышать никто, кроме тебя.

Силясь сохранить равнодушный вид, я дала моим людям знак удалиться, но сердце мое забилося, как птица в силке. Мне казалось, что этот человек, пристально глядевший своими бездонными черными глазами, знал мою тайну.

– Говори, – сказала я, – что ты должен мне передать.

Он приблизился и, с насмешкой взглянув на меня, произнес глухим голосом:

– Я явился, чтобы повторить просьбу, которую ты очень сурово отвергла. Согласен, что Шенефрес, египетский сановник, не достоин дочери фараона, но будет ли дерзостью с его стороны, если он пожелает жениться на вдове Итамара?

Я глухо вскрикнула: негодяй знал все! Кто же ему рассказал?

Вдруг мой помутившийся взор остановился на его поясе: недоставало кинжала с резной рукояткой, и черноватые пятна виднелись на его богатой одежде.

С быстротою молнии я вспомнила, как жутко выглядел труп Итамара с ножом в груди. Несмотря на слабость, я поднялась с подушек, трепеща от гнева.

– Это ты убил его! – воскликнула я дрожащим голосом. – Уйди и никогда больше не показывайся мне на глаза. Скорее я выберу смерть, чем горькую участь принадлежать тебе.

Я была вне себя, но Шенефрес и не шевельнулся.

Вперив в меня надменный взгляд, он вынул из-за пояса папирус и подал мне. У меня помутилось в глазах, когда я прочла следующие строки, написанные и подписанные Рамзесом:

«Недостойная дочь великого царя, не заслуживающая чести царского погребения, имя которой должно будет вычеркнуть из царского рода и предать забвению!

Знай, что я приказываю тебе принять в мужья благородного Шенефреса, который передаст тебе этот папирус, ибо моя неизменная воля положит конец позору, которым ты покрыла дом Рамзеса, а Шенефрес почитает, несмотря на твой позор, божественную кровь, текущую в твоих жилах».

Рамзесу было все известно. Значит, Итамар погиб по его приказанию? Будучи не в состоянии думать и отвечать, я уронила папирус, упавший на пол.

Шенефрес поднял царское письмо и, наклонившись ко мне, произнес:

– Термутис, да или нет?

После совершенного мною преступления я не посмела ослушаться Рамзеса.

– Да, – отвечала я, беспомощно склоняя голову. – Если фараон велит, то я буду твоей женой, Шенефрес.

Он схватил меня за руку.

– Забудь прошлое, отдай мне все свое сердце, и я буду великодушным мужем.

Он прибавил несколько слов, которых я уже не поняла, потому что голова кружилась, огненные языки с глухим рокотом мелькали перед моим потухшим взором.

Смутное воспоминание: Шенефрес, стоя на коленях возле моего ложа, держал меня в своих объятиях, и нас окружали смущенные лица; затем я лишилась сознания.

Я выздоравливала медленно; Аснат и спасший меня добрый врач Суанро продолжали ухаживать за мною и постепенно сообщали мне новости.

Двор находился в Танисе; однажды во время моего бреда Рамзес посетил меня и, молча поглядев, вышел со вздохом. Больше он не приходил, но часто осведомлялся о моем состоянии.

Я выздоровела скорее, чем того желала. Шеиефрес ежедневно навещал меня, но был сдержан.

Я еще не виделась с Рамзесом; даже мысль о том, чтобы предстать пред ним, приводила в трепет. Наконец через одного из своих приближенных он дал мне знать, чтоб на следующий день я приготовилась его принять, ибо брат хотел объявить двору о моем сговоре с Шенефресом.

Утром я приказала нарядить себя с особой тщательностью. Мне хотелось быть прекрасной и своею внешностью смягчить сердце Рамзеса (я знала, что он поддается впечатлению). Поэтому я надела пурпурное, богато вышитое платье, самые дорогие из моих драгоценностей и клафт, украшенный царскими знаками. Когда одна из моих женщин поднесла мне металлическое зеркало, я без хвастовства могла признать, что была на редкость красива, а внутреннее волнение, румянившее щеки и заставлявшее блестеть глаза лихорадочным блеском, увеличивало мою прелесть.

Мне доложили, что посланные от Шенефреса просят принять их. Я изъявила согласие, и один из моих офицеров впустил старого дворецкого моего жениха и несколько рабов, несших корзины и ящики, полные тканей, драгоценностей и других подарков. Старик пал ниц, умоляя принять эти вещи, присланные его господином.

Приближалось время прихода царя. Я отправилась в приемный зал, где заняла седалище из слоновой кости, стоящее на возвышении рядом с золотым тронном Рамзеса. Шенефрес, ожидавший в зале, приветствовал меня и проводил до моего места.

Появился церемониймейстер, объявивший, что фараон, радуясь моему выздоровлению, объявленному жрецами окончательным, шлет подарки и сам скоро явится.

Началось величественное шествие дворян и невольников, несших подарки: корзины, наполненные дорогими тканями, шкатулки с благовониями и драгоценностями, золотые и серебряные чаши и блюда, редкие растения с сочными плодами и заморскими птицами с блестящими перьями, привязанными золотыми цепочками к цветущим веткам. При виде столь щедрых даров в мою душу закралась надежда: первый гнев царя прошел.

Но мое сердце замерло. Как обойдется со мной величественный брат? Быть может, вместо прежней привязанности взгляд фараона выразит отвращение и презрение. Шенефрес, не спускавший с меня глаз, видимо, понял мои опасения и, наклонившись, прошептал:

– Кажется, боги смягчили сердце Рамзеса и остудили гнев, поэтому надейся на его доброту, беспредельную, как и милость Озириса.

Послышался звук оружия: гвардейские офицеры, сопровождавшие царя, выстраивались в галерее, и я заметила между колоннами высокую фигуру брата, приближавшегося в сопровождении жрецов, веероносцев и огромной, повсюду сопровождавшей его свиты. Трепеща, я шла к нему навстречу.

Лицо царя было строго, глаза сурово глядели из-под нахмуренных бровей. Когда он приблизился, я хотела произнести несколько приветственных слов, но губы не повиновались мне; я опустила на колени и прижала к губам его руку.

Все думали, что таким образом я выражала благодарность за великолепные дары, но Рамзес понял мою немую мольбу о прощении. Чело его прояснилось, он нагнулся, поцеловал меня в лоб и отвел к моему месту и сам сел на трон.

Я чувствовала, что он смотрит на меня, но, пылая от стыда, не смела поднять глаз и почувствовала облегчение, когда Рамзес добродушно сказал:

– Я счастлив, Термутис, что вижу тебя излечившейся от страшной болезни, которая в течение стольких месяцев лишала нас твоего общества. Постараемся дарами и жертвоприношениями доказать бессмертным твою благодарность.

Сопровождавшие фараона жрецы, среди которых был и мой спаситель, благословив меня, поднесли драгоценные амулеты, которые должны были навсегда оградить от дурного глаза.

Затем Рамзес объявил всему собранию, что, ценя верность Шенефреса и оказанные им услуги стране и царю, отдает меня ему в жены. Он приказал Шенефресу подойти, вложил мою руку в его, отдал ему перстень с собственного пальца и великолепное ожерелье.

Обхожу молчанием нашу свадьбу, отпразднованную несколько дней спустя, потому что это торжество, для многих женщин являющееся счастьем, для меня было печально, сердце мое было преисполнено воспоминаниями об Итамаре.

Шенефрес чувствовал, что я не люблю его; он шпионил даже за моими мыслями, и хотя пред людьми оказывал уважение, подобающее женщине царской крови, зато наедине не стеснялся: в горьких и оскорбительных выражениях упрекал за равнодушие к нему и за постыдную любовь к недостойному.

Иногда эти припадки ревности к умершему бывали для меня очень тягостны, но я все выносила безропотно, сознавая себя виновной, и не смела жаловаться Рамзесу, так как он мог ответить мне, что муж вправе требовать любви и благодарности.

Я с большей радостью и готовностью подчинялась бы желаниям Шенефреса, если бы не терзалась страшными опасениями за участь своего ребенка.

Избиение еврейских детей, вызванное страшным предсказанием, продолжалось, я боялась узнать о гибели сына. Однажды Аснат сообщила, что получила известие от Иохабед о том, что ей невозможно скрывать малютку, чудесным образом спасшегося от всех опасностей. Я провела бессонную ночь, страх материнского сердца внушил план, имевший шансы на успех. Я приказала передать Иохабед, чтобы она положила ребенка в хорошо просмоленную корзину, оставила бы ее в тростнике в том месте, где я купалась с моими прислужницами, чтобы подумали, будто Нил случайно занес туда утлую ладью, которой отчаявшаяся мать доверила свое сокровище.

Я рассчитывала, что одна из моих служанок заметит корзину, найдя в ней ребенка, покажет мне; тогда никто не помешает воспользоваться царской прерогативой даровать жизнь одному из бедных созданий, осужденных на смерть царским указом.

Конечно, я не могла сразу оставить его при себе, чтобы не возбудить подозрение в Шенефресе, интересовавшемся, что случилось с ребенком, хотя я и уверила мужа, что малыш умер при рождении. Поэтому я хотела поручить его Иохабед, чтобы она воспитывала его до того времени, когда я буду в состоянии открыто покровительствовать ему.

Мне предстояло увидеть дитя любви, не виданное мною со дня его рождения, потому что Шенефрес тщательно следил за мной, случайное свидание или прогулка в еврейский квартал могли возбудить подозрения.

Пока прислужницы сбегали вниз и расстилали ковры около маленькой бело-голубой полосатой палатки, я остановилась на первой ступеньке каменной лестницы, жадно всматриваясь в тростник и воды Нила, сверкавшего на солнце как зеркало.

Вздых благодарения вознесся из груди моей к бессмертным: не было ни малейшей волны, которая могла бы повредить утлую ладью, колыбель моего сына.

В эту минуту одна из женщин воскликнула:

– Смотрите, в тростнике корзинка, ее, вероятно, потеряли!

У меня подкашивались ноги; поняв это, Аснат сошла вниз и велела одной из прислужниц:

– Зета, достань корзинку, хочется взглянуть, что в ней...

Молодая девушка, к которой обратилась Аснат, немедленно бросилась в воду.

– О госпожа, – воскликнула она, – тут лежит ребеночек, прехорошенький, как ангелочек!

Зета вернулась к лестнице, по которой я медленно спускалась, и подала корзину моей подруге.

– Какой прелестный ребенок! – воскликнула та. – Взгляни, Термутис. Кто бы мог покинуть бедное создание, предоставив его воле богов и волн?

Я увидела лежавшее на дне корзины крохотное существо, завернутое в белые пеленки. Его большие черные глазки были раскрыты, и по щекам катились крупные слезы.

– Это, без сомнения, еврейский ребенок, – сказала я, – должно быть, его бедная мать, не надеясь спасти малыша от слуг фараона, отправила его на воды Нила. Она предпочла, чтобы он умер вдали от нее или чтобы какая-нибудь сострадательная душа приняла несчастную малютку. Боги привели его ко мне, я спасу его.

Я положила руку на грудь ребенка в знак моего покровительства. Увы, я и не подозревала, что бившееся под моими пальцами сердечко со временем преисполнится гордостью, честолюбием и ненавистью к Рамзесидам; неумолимая судьба заставляла меня спасать именно того, кому суждено навлечь все предсказанные беды на мою родину и семейство.

К счастью, будущее скрыто от смертных, и в ту минуту я ощущала только радость и любовь.

Я приказала отнести ребенка в палатку и прибавила:

– Надо отыскать какую-нибудь еврейку, которая возьмется кормить малютку. Я позабочусь, чтобы ее не беспокоили. Зета, иди на дорогу и приведи ко мне первую встречную.

Она вернулась в сопровождении девочки лет одиннадцати или двенадцати, прелестное личико которой живо напомнило мне Итамара.

– Это – Мириам, дочь Иохабед, – шепнула мне Аснат, а девочка пала ниц передо мною.

– Встань, дитя, – по-доброму произнесла я. – Не знаешь ли ты кого-нибудь, кто возьмется ходить за ребенком, пущенным на Нил женщиной из твоего народа, которого боги привели ко мне, чтобы я спасла его? Я заплачу за уход за малышом и буду покровительствовать впоследствии.

Она пролепетала, что приведет мать, недавно потерявшую младенца, которая с радостью услужит мне.

– Приведи ее сюда сейчас же, пока я не вернулась во дворец.

Мириам убежала, а я, выкупавшись, легла в палатке и приказала подать ребенка, который заплакал.

Я ласкала и целовала младенца, он успокоился. Я рассматривала его: действительно, ребенок был редкой красоты и как две капли воды похож на отца. Я не могла им налюбоваться, равно как и мои прислужницы, толпившиеся около меня и не подозревавшие, как сильно я интересовалась его судьбой. Они думали, что только красота его смягчила мое сердце.

Я с нежностью прижимала ребенка к своей груди, когда вдруг появилась бледная и трепещущая Иохабед. Она пала ниц и приложилась к земле, я приказала ей встать.

– Ничего не бойся, добрая женщина, я желаю тебе добра. Возле того места, где я обычно купаюсь, мои женщины нашли корзину, в которой был этот ребенок. Кажется, он принадлежит к вашему народу. Он недаром приплыл по священным водам Нила, словно прося моего покровительства. Я заменю ему родителей, корми и воспитай его, я щедро заплачу за твои заботы о нем.

Сняв с себя амулет на золотой цепочке, я надела его на тонкую шейку ребенка и завернула его в дорогой платок.

– Назову его Мезу – сын воды, – сказала я, целуя малыша, и, подняв его к солнцу, прибавила: – Ра – могучий бог, пославший мне это дитя, – сохрани и защити его. Женщина, возьми ребенка и давай мне знать о нем. Скоро я покину Танис, но когда будешь в Фивах, то принеси его во дворец и получишь вознаграждение.

Иохабед приложилась к моим ногам и, забрав ребенка, скрылась.

Мне казалось, что с моей души свалилась огромная тяжесть: я обеспечила жизнь моему ребенку и могла покровительствовать ему в будущем. Так что, когда встречу Итамара в царстве

тений, где все люди равны между собою, мне не придется краснеть перед ним. Однако я очень опасалась чем-либо выдать свое счастье, поэтому притворилась утомленной и печальной. Я ужасно боялась, как бы Шенефрес, вечно подозревавший меня и отслеживающий каждое мое действие, не догадался бы об истине.

Все обошлось намного проще, чем я ожидала. Шенефрес не выразил даже малейшего неудовольствия по поводу усыновления ребенка, и я имела возможность видеть малютку, которого Иохабед иногда приносила ко мне.

Она открыто объявила, что это ее собственный ребенок и она сама пустила его на воды Нила; таким образом, на меня не могло пасть подозрение. Когда Мезу исполнилось четыре года, я взяла его на воспитание в свой дворец.

Волнуясь, показала его Рамзесу, но очаровательная миловидность и ум мальчика, значительно превышавший его возраст, понравились царю. Фараон стал оказывать ему большое внимание, часто заставлял разговаривать с собою, получая от Мезу всегда верные и даже поразительные ответы.

Благородный жрец и врач Суанро, оставшийся моим другом, воспользовался таким добрым знаком, чтобы сообщить всю правду и убедить царя, что мальчику, в жилах которого течет кровь Рамзесидов, следует дать подобающее воспитание; Итамар поплатился жизнью за преступную дерзость, но мать Мезу была дочерью фараона.

Рамзес спокойно выслушал это объяснение и с тех пор открыто покровительствовал Мезу, который перестал быть всего лишь хорошенькой игрушкой в моем доме.

Сначала его поместили в число детей, составлявших общество царских сыновей, а затем, по повелению фараона, он был определен в знаменитую школу дома Сети, где воспитывались самые образованные и благородные люди Египта.

В злобном сердце Шенефреса проснулось смутное подозрение, вызванное моей нежностью и необычайным сходством Мезу с Итамаром. Мой страшный муж с затаенною ненавистью следил за мальчиком, но доказательств не было, а открытое покровительство царя не позволяло ему что-либо предпринять; но за материнское счастье я поплатилась массой тяжелых домашних сцен.

Протекли года, ребенок стал юношей, и жрецы дома Сети рассыпались в похвалах его редким способностям, прилежанию, мужеству и ловкости; ему недоставало только дара слова, и главным орудием его красноречия было перо.

Его любовь и благодарность ко мне были трогательны, и все печальные мысли разлетались, когда он усаживался возле меня, с блестящими глазами и пылающим лицом рассказывал о своих успехах, занятиях и обо всех событиях своей ученической жизни.

Иногда казалось, что я вижу Итамара: рост, черты лица, движения были у сына те же, что и у отца, но выражение глаз было иное: в кротком и сладостном взгляде его отца не было гордости, упорства, бурных страстей, сверкавших в пламенных глазах Мезу.

Однажды он сообщил, что старый жрец, учивший его науке звезд и светил, составил для него личный гороскоп, который сулит славную будущность.

«Ты населишь пустыню, – сказал ему пророк. – Под жгучими лучами Ра ты принесешь тысячи жертв богу и умрешь на такой высоте, что только один будешь столь близок к облакам».

Радуюсь блестящей будущности сына, я ласкала его черные шелковистые кудри и благодарила богов за покровительство.

С окончанием образования Мезу получил блестящую должность при дворе, но удача выскочки возбудила зависть и тайное роптание египетских вельмож, жадно ловивших случай очернить его перед Рамзесом. Мелкие дрызги ожесточили характер Мезу: веселый и предприимчивый юноша стал мрачен, задумчив и необщителен.

Мечтой моей жизни стало женить его на молодой знатной египтянке и этим союзом уничтожить предрассудки, вредившие его будущности. Красивый, умный и высокопоставленный

молодой человек, которому я покровительствовала как сыну, не встретил бы отказа, но, к моему изумлению, Мезу выразил отвращение к браку и умолял оставить мысль о женитьбе.

Он начал глубоко сочувствовать несчастному народу, из которого происходил. Он постоянно навещал своих мнимых родителей, Амрама и Иохабед, привез с собой в Фивы их сына Аарона, которого считал своим братом. Он часами разговаривал с хитрым и остроумным человеком, учил его и заставлял рассказывать историю своего народа и подробности о страданиях и унижениях.

Незаметно я постарела, а Мезу минуло тридцать лет. Мое здоровье было очень слабо, я чувствовала, что смерть приближается. У меня возникло навязчивое желание умереть там, где случилась драма моей жизни.

До моего отъезда в Танис придворная интрига снова причинила Мезу неприятность, и я умоляла Рамзеса дать ему место командующего армией, так как это назначение, надолго удаляя его из Фив, дало бы возможность улечься всем неурядицам. Моя просьба была исполнена, да и время было подходящее – готовился поход, кажется, против ливийцев.

Счастливая и спокойная, я прибыла в Танис в сопровождении Шенефреса, который, в отчаянии от угрозы потерять жену навсегда, окружил заботами; по-своему он любил меня, но, увы, его мнительная ревность пережила года.

Несколько недель спустя после нашего приезда я лежала на своей плоской кровле, с которой открывался вид на сады, и с наслаждением вдыхала свежий воздух. Лучи заходящего солнца золотили верхушки пальм, отбрасывая красноватые тени на темную зелень роц и фантастически освещая полный воспоминаний сад.

Я погрузилась в грезы о былом: вон окруженное розовыми кустами окно, через которое послание Апофиса упало на колени Аснат, давно умершей; а под кудрявой листвой роци я снова увидела Итамара и ту ночь, я любовалась им, освещенным луною, грустным и прекрасным молодым мужчиной; сердце забило при воспоминании о блаженном часе, лучшем в моей жизни, потому что, помня лишь о любви, я совершенно забыла перенесенные страдания и не хотела знать о тех, которые нам еще предстояло пережить.

Мне доложили, что Мезу, прибыв из Фив, просит принять его. Я приказала немедленно пустить его, так как вид возлюбленного сына всегда был бальзамом для моего сердца.

Когда все вышли, он уселся на подушку возле моего ложа и прижал мои руки к своим губам:

– У тебя очень страдальческий вид, глаза обведены темными кругами. Дорогая матушка, найду ли я тебя в здравии, когда вернусь? Я останусь одиноким и покинутым без тебя. Кто будет любить меня так же, как ты?

Кто из ныне живущих, думая о великом законодателе Мезу, не представляет себе величественного строгого старца, бесстрастного исполнителя воли Бога Израильского, боровшегося с надменным фараоном и покрывшего землю египетскую бедствиями и жертвами?

Минувшие века пощадили лишь великого пророка, который сумел создать народ и основать религию, но столетия сгладили личность Мезу, который, будучи молодым, красивым и любящим, горько оплакивал потерю покровительницы.

Я ласково погладила его склоненную голову. Он выпрямился и, глядя на меня с отчаянием, прошептал:

– Что за странная тайна заключается в том, что ты, гордая царевна, так полюбила сына презренного народа?

В эту минуту его взгляд, обычно мрачный и суровый, остановился на мне с тем же кротким и ласковым выражением, каким всегда светились глаза Итамара.

Мое сердце смягчилось; привлекая сына к себе, я прошептала в ответ:

– Ты узнаешь все. Перед смертью хочу открыть тебе горестное прошлое, которое нас связывает, но сначала перенеси меня ближе к перилам, здесь я задыхаюсь.

Он поднял меня своими сильными руками и отнес на грудь подушек, лежавших у самого края плоской кровли, но на меня напала такая слабость, что я безропотно опустилась на подушки и долго не могла произнести ни слова. Мезу понял мой немой знак и никого не звал.

Луна залила все своим серебристым светом, когда я собралась с силами прошептать:

– Посмотри на сад, Мезу. Видишь мраморную скамью в беседке из акаций? Много лет тому назад возле скамьи стоял мужчина, такой же высокий и красивый, как ты, и, глядя на наш дворец, мечтал о жившей в нем женщине, как вдруг пред ним явилась та, которую он любил. Он упал к ее ногам и целовал ее одежду, а она, позабыв обо всем, кроме своей любви, отдалась ему. Этим человеком был твой отец, еврей Итамар, а женщиной – Термутис, дочь фараона.

Мезу слушал меня с напряженным вниманием.

– Ты моя мать? И ты не покинула меня – недостойное существо, пятно на твоём знатном имени? Где мой отец? Ты, не покинувшая ребенка, не могла отвергнуть любимого человека. Скажи, где он? Если он бежал, тогда я найду его и приведу к твоему смертному одру, чтобы ты взглянула на него в последний раз. Не бойся за свою тайну, я умею молчать.

– Возлюбленное дитя мое, – отвечала я, целуя его в лоб, – вскоре я снова увижу твоего отца там, где царит полное равенство, где все созданы Озирисом из одинаковых лучей его благости. Я без стыда могу встретиться с душой Итамара, потому что берегла тебя, любила и воспитала. Тебя, дитя нашей любви, оставляю богатым и сильным: все, что могла дать тебе, кроме материнской любви, я дала. Что же касается твоего отца, то он убит кинжалом: рука мстителя смыла в его крови честь фараона.

– А, – прошептал Мезу, бледнея, – значит, правда, что один из членов нашей семьи, имени которого никто никогда не произносит, умер насильственной смертью, и тот, чье имя изглажено, мой отец? Умоляю тебя, мать и благодетельница, расскажи мне все в эту торжественную минуту.

Он наклонился надо мною, и я тихим голосом все рассказала.

– Ты родился возле трупа своего отца, – сказала я в заключение, – но если ты любишь меня, то никогда не станешь искать убийцу, который лишь орудие царской воли.

Я не хотела, чтобы он убил Шенефреса, если бы случайно узнал истину, и заметила лихорадочное волнение, с которым он меня слушал.

Вдруг он выпрямился во весь рост и поднял к небу сжатые кулаки.

– Я отомщу за тебя, услышь эту клятву, дух моего отца! Я разобью ярмо, гнетущее наш несчастный народ. Я буду бороться и дам ему независимость, пот перестанет течь с чела моих братьев на землю рабства. Никто не покраснеет больше, пожимая нашу руку, и настанет время, когда все низко склонятся перед этим презираемым народом и мир будет им управляться. Такова будет моя месть за перенесенные вами страдания, несчастные родители! Так сбудется предсказание о моем будущем! Я заселю пустыню, основав великий народ, и умру, высоко стоя над смертными на престоле Израиля, с которого буду править с мудростью и милосердием.

Я слушала его с волнением и страхом. Вдруг луч восходящего солнца озарил плоскую кровлю и осветил розовым ореолом бледное, прекрасное лицо Мезу и его возведенные к небу сверкающие глаза, в которых отражался океан эмоций.

Я вздрогнула. Неужели Ра, который приветствовал его рождение, услышал и освятил эту страшную клятву?

Но размышлять об этом я не могла, слишком много волновалась в эту ночь и лишилась чувств.

Когда я очнулась, то увидела, что Шенефрес стоит у меня в ногах постели, а Мезу, прощаясь, поцеловал мою руку и вышел; это была наша последняя встреча при моей жизни. С того дня я начала чахнуть и, не вставая с постели, с часу на час ждала своего освобождения. Вечером, когда я снова лежала на плоской кровле, беспокойство, мучившее меня с утра, пре-

вратилось в ледяной холод, охватывавший все мое тело. Все вокруг меня кружилось, будто освещенное пламенем пожара, затем меня ошеломило сильное потрясение.

«Я восхожу к Ра», – подумала я. Затем сердце мое сжалось: нет, я иду на суд, страшные безжалостные судьи царства теней будут судить мое сердце и дела.

В эту минуту предо мной явилось сияющее существо. Его спокойный величественный вид выражал благодушие.

– Дух Термутис, – молвил божий посланник, – прежде чем идти на суд, ты отправишься к своему сыну, храни его, покровительствуй ему, пусть твоя любовь поддерживает его и поможет восторжествовать над самим собой, ибо велико его испытание. Такова теперь твоя земная миссия.

Верной тенью я сопровождала сына на войне, оказавшейся для него неудачной. Он испытал поражения, которые враги приписали не трудным обстоятельствам, а злой воле выскочки-еврея, достигшего незаслуженного величия.

Когда Мезу вернулся домой, царь выразил серьезное недовольство, на что мой сын ответил холодным равнодушием.

С грустью я наблюдала, как мрачное озлобление наполняло его душу; он чувствовал, что его едва терпят при дворе, где он должен был блистать, и яростная месть, которую он питал к Египту и Рамзесидам, смешалась с непомерным честолюбием.

Не имея возможности завладеть венцом фараонов, он решился стать царем презренного, но многочисленного народа, к которому принадлежал его отец. Он мечтал осрамить и покарать египтян, забывая, чья кровь течет в его жилах.

Он ухватился за эту мысль, посвящая ей все силы своего гения, все свои познания, но Мезу был одинок и чем чаще сталкивался с еврейским народом, тем более находил его низким, трусливым, коварным и вероломным. Другой на месте этого железного человека потерял бы мужество; он же ожесточился и решил, что страхом и неумолимою жестокостью дисциплинирует племя и вдохнет в него мужество.

Для того чтобы находиться ближе к центру действия, он отправился в Танис, в имение, завещанное ему мной. Шенефрес жил там после моей смерти, но, питая друг к другу глубокую неприязнь, они редко виделись.

Однажды Мезу, любивший те места, где я жила, захотел прогуляться во дворцовых садах в одиночку. Он прошел через виноградник, где еврей-работники собирали виноград под наблюдением надсмотрщиков. В отдаленном месте он заметил еврея, пытавшегося взвалить себе на спину тяжелую корзину, и надсмотрщика, который, злясь за его медлительность, осыпал его ударами.

При виде этого кровь бросилась в и без того горячую голову Мезу.

Он поднял тяжелую палку и так ударил египтянина по голове, что тот мертвым упал на землю. Спустя мгновение Мезу опомнился, бросил труп в находившийся неподалеку ров, прикрыв землей и сухими листьями. В ту минуту на место происшествия явился Шенефрес.

Мезу, сложив руки, ждал приближения врага, а рабочий притворился, что нагружает корзину. Старик подошел и, взглядом указывая на лужу крови на песке, спросил строгим голосом:

– Что это значит, еврей, где твой надсмотрщик?

Испугавшись грозного вида господина, еврей бросился к его ногам и, указывая на Мезу, воскликнул:

– Это он убил, видя, как надсмотрщик бил меня. Но я заслуживал, чтобы меня били, и никогда не осмелился бы поднять руку на моего доброго и благородного надзирателя. Пощади, я невинен и не знаю, зачем вмешался этот чужой господин.

Мезу отступил назад, словно ему был нанесен удар прямо в грудь. Затем с пылающим лицом он сделал шаг к Шенефресу.

– Да, – сказал он, – я убил.

– Долой с глаз моих, жалкая тварь, – произнес египтянин с отвращением, и еврей исчез как тень.

– Вот каков народ, который ты хочешь освободить, – с иронией сказал Шенефрес. – Безумный, я давно слежу за тобой и только в память о той, которая была мне дорога и, по слабости своей, призналась тебе в твоём происхождении, не иду к фараону, не доношу ему об изменнике, собирающемся возмутить подданных, чтобы создать себе царство. Ты знаешь, как закон карает убийство египтянина евреем? Иди домой, нагружай верблюдов самым дорогим для тебя и спасайся. Пусть нога твоя никогда не ступит на землю Кеми! Вне страны есть дикие народы, которых ты можешь победить и просветить, поэтому не отчаивайся носить венец. Теперь уходи, глаза б мои тебя не видели. Твое бегство я объясню убийством египтянина, за которое ты сложил бы голову на плахе.

Злой старик замолчал и, с презрением взглянув на врага, наконец побежденного, отвернулся и исчез.

С пылающей головой, с сердцем, кипящим яростью, Мезу поспешно вернулся домой. Не теряя ни минуты, он приказал навьючить несколько верблюдов своими сокровищами и с наступлением ночи покинул Танис в сопровождении нескольких слуг.

Луна освещала путь небольшого каравана, верхом на одном из верблюдов сидел мрачный и молчаливый Мезу. Отъехав на некоторое расстояние, он остановился, долго смотрел на огромный город, расстилавшийся со своими дворцами, садами и огромными храмами на необозримом пространстве. Нил извивался, сверкая, как широкая хрустальная лента, и отражая в серебристых струях пальмовые рощи, раскинувшиеся по его берегам.

Удрученный тоскою, Мезу не мог оторваться от грандиозного зрелища: каждая подробность отпечатывалась в терзавшемся сердце изгнанника... Он должен был покинуть место своего рождения, египетскую землю, полную деятельности и богатства, величия и науки. Какой дорогой показалась она ему в этот час! Но, скрежеща зубами, он подавил в себе все чувства и с угрозою прошептал:

– Я вернусь, и тогда Египет и фараон заплатят мне за эти муки.

В первые дни пути изгнаннику, несмотря на мрачные мысли, пришлось подумать, и его деятельный ум вскоре определил, чего держаться.

Мезу вспомнил об одном старике, которого он встретил в Фивах и приютил у себя. Человек рассказывал о далекой волшебной стране, колыбели науки и законодательства Египта. Он был там жрецом, но за какой-то проступок вынужден был бежать и после долгих странствий прибыл в Фивы. В той богатой и плодородной стране, в храмах более старинных, чем египетские, хранились древние, как мир, документы науки и тайны.

Он решил идти в далекую Индию: там он найдет высшее знание, которое даст ему оружие, чтобы восторжествовать над фараоном, освободить и сплотить евреев.

Не стану вдаваться в подробности этого долгого опасного путешествия, преисполненного случайностями; скажу только, что Мезу достиг Индии и в одном старом брамине нашел друга, учителя и советника.

Будучи невидимой, но верной спутницей любимого существа, я видела, как он отдался науке со всем пылом своего характера, внимательно слушая и тщательно записывая все, что переводил ему из древних Вед благосклонный наставник относительно происхождения мира и вселенной. Часто беседовали они в уединенном, окруженном роскошной растительностью жилище ученого.

Мезу рассказал ему обо всем, о своем прошлом, о жизни, о планах отмщения, а индус, волосы и борода которого были седые, но глаза сохранили задорный блеск юности, давал ему советы, учил, передавал глубокие познания и опыт.

Однажды старец сказал:

– Сын мой, ты хочешь основать государство, освободить своих угнетенных братьев и сплотить их в народ, который повинился бы твоей воле и исполнял твои веления? Чтобы достигнуть цели, ты должен дать им законы, которые годились бы для них, так как каждый народ, равно как каждый человек, нуждается в правилах, приспособленных к его душе. Египтяне сильны, мудры, дисциплинированы, а евреи трусливы, невежественны и огрубели от рабства. Но как у тех, так и у других мозг согрет жгучим солнцем, и все они боятся того, чего не понимают. Поэтому, если ты сумеешь воспользоваться неизвестными им силами природы, то получишь возможность заставить египтян страхом вернуть свободу твоему народу, а евреев следовать за тобой, полагаться на таинственную и страшную силу своего вождя...

Мезу прервал его:

– Научишь ли ты меня, как пользоваться этими силами, посветишь ли в неизвестные тайны?

– Такова воля невидимых, – ответил старый мудрец.

Часто повторялись подобные беседы, и мало-помалу созрел гигантский план, который должен был освободить народ еврейский и поразить египтян. Мезу учился пользоваться силами природы и был посвящен в их тайны.

В таком состоянии покинул он Индию и зажил в пустыне, обдумывая и готовя гигантский план, который он выполнил, вырвав свой народ из-под египетской власти ценою тысяч жертв.

Народ у него был, но для упрочения над ним своей власти ему надо было обладать душами, а этого он мог достичь, наводя страх и ужас. Поэтому он выставил себя прямым посредником между Иеговой и избранным народом: устами Мезу Предвечный раздавал милости и карал, его руками управлял силами природы. Несмотря на эту силу и свое знание, Мезу оказывался бессильным перед неизменными законами природы, перед зноем, болезнями, лишениями народа, который, будучи исторгнут из обычной среды, бродил изнуренный под жгучими лучами тропического солнца.

Он понимал, что ему надо завоевать удобную и плодородную землю, поселить там народ и воздвигнуть собственный престол.

Во главе опытного, дисциплинированного египетского войска это было бы легко; тут же он повелевал не солдатами, а тысячами ленивых, трусливых, вечно недовольных рабов. И с яростью в душе понял, что столь искусно задуманное предприятие рисковало погибнуть. Поэтому он решил разредить старое поколение «по повелению Иеговы», обогрил еврейской кровью песок пустыни, подобно тому как усеял трупами землю Египетскую...

Глубокий мрак воцарился в великой и благородной, но ослепленной человеческими слабостями душе.

Мезу составил великий свод нравственных и общественных законов, которые «несокрушимый народ», несмотря на многовековые превратности, будучи рассеян между всеми народами земли, все же сохранил как памятник его гения.

Мезу дано было только властвовать лишь силою страха и карать непокорных во имя Иеговы.

Постоянная ложь относительно его сношений с Божеством стала терзанием для него, ибо Мезу всею душою верил в Великого Творца вселенной. Вопль души его сохранился в древней еврейской летописи, где сказано, что Предвечный, в гневе на неповиновение своего посланного, осудил Моисея видеть землю обетованную, но не вступать в нее. Не менее страдали его гордость и честолюбие. Какова должна была быть радость египтян при известии, что дерзкий еврей все еще скитается в пустыне, без родины и пристанища! Желанному престолу негде было стать, и он терялся в туманном будущем. Жертвуя силами, здоровьем и способностями, Мезу в поте лица сеял то, что суждено было пожать Давиду и Соломону.

В течение этих долгих годов труда и борьбы износилось и тело. Мезу старел, вечность стучалась в дверь его земного тела, и он жаждал смерти как избавления.

Чувствуя приближение смерти, он собрал весь народ и простился с ним. Он хотел быть один во время кончины, но свою смерть ему хотелось окружить таинственным ореолом, заставить думать, что Иегова соединил его с собою.

Запретив кому бы то ни было следовать за собой, один взшел он на гору и, дойдя до вершины, остановился в утомлении. Сложив руки на своей широкой груди, взглянул на величественное зрелище, расстилавшееся перед ним под лучами заходящего солнца. На мгновение гневный взор его остановился на находившихся на равнине евреях, и Мезу прислушался к разнообразным звукам стана, глухим ропотом доносившимся до него.

С глубоким вздохом отвел он взор свой от этой картины. Годы покрыли морщинами его чело и убелили его густые волосы. Он был совсем не похож на того юношу, который, стоя на плоской кровле в Танисе, с сверкающим взором поднимал руки к восходящему солнцу, клялся освободить свой народ и создать себе царство. Горькая усмешка скользнула по его губам, и он прошептал:

– Ты верно предсказало судьбу мою, о светило, которому поклонялась мать моя. Слепой человек объясняет предсказания согласно своему честолюбию, а между тем ведь довольно же ясно было сказано, что я населю пустыню, что кровь жертв обогрит песок равнин и что я умру один, высоко-высоко... Разве гора эта не престол, воздвигнутый Всемогущим?..

Он лег на землю и, прислонясь к скале, закрыл глаза. Тогда перед его духовным взором как бы в грезе пронеслась вся его жизнь: его радостное детство во дворцах великолепных Фив, его беззаботная юность в школе дома Сети, где он приобрел познания, которые помогли ему впоследствии совершать так много зла.

Где были теперь его учителя, где товарищи его игр и занятий? Увы! Многие погибли во время бедствий, ознаменовавших исход его народа, а его приемная мать исчезла как тень, и в ней сокрылся его ангел-хранитель.

Затем ему представилось изгнание, его поспешное бегство из Таниса, Индия, волшебная страна, но оттуда его изгнало честолюбие, возвращение в Египет, борьба с Мернефтой. Ему пришлось снова с тяжелым чувством присутствовать при гибели фараона и его армии, а затем и при избиениях еврейских мятежников.

Я следила за ним со страхом и любовью, как в то время, когда лучи утренней зари освещали час его рождения. Тогда он вступал в земной мир испытания и искушения; теперь же он вступал в мир духов и отчета за свои поступки.

Поднимался вечерний туман, заволакивая серой завесой вершину горы. Мезу тяжело дышал, глаза были широко раскрыты, духовный взор его, обостренный приближением разлуки с жизнью, различал в беловатом испарении прозрачные существа, на первом плане которых находилась я, со стороны долины поднималась черноватая, тревожная масса. Он вздрогнул, с трудом преклонив колени, вознес к небу некогда сильные руки, и пламенная, тревожная мольба излилась из его сердца:

– Бесконечно могущественный и великий Создатель и Руководитель вселенной! Прости мне, что для личной моей пользы я прикрывался Твоим именем и Твоею волею, не отвергай меня, услышь мою молитву.

Но темная масса приближалась, подобно бурному морю окружая его своими волнами, и среди тысяч составлявших ее существ он внезапно увидел фараона Мернефту и его воинов, покрытых водорослями и илом; не меньшую группу составляли египтяне, жертвы избиения первенцев и их близкие.

«Отдай мою загубленную жизнь и почтение моей могиле, – шептали бледные губы Мернефты. – Покажи мне пославшего тебя Иегову».

«Отдай нам детей наших», – говорили другие, и надвигалась опять новая, отвратительная, покрытая кровью толпа.

«Так ты для того обманул нас и заманил в пустыню, чтобы безнаказанно избивать нас? Где тот Иегова, который приказал тебе это?»

Злобные тени толпились около него, наклоняя к нему свои искаженные лица, удушая его своим зловонным дыханием, а мистический венец Верхнего и Нижнего Египта, украшавший призрачную голову Мернефты, колебался, как бы опускался над ним и давил его грудь, словно гора.

Мезу опустился с глухим стоном и положил голову на вблизи лежавший камень, последнее изголовье первого из царей Израильских. Все тело его покрылось холодным потом, но он был один: ничья сострадательная рука не отерла чела его, ни одна капля воды не освежила его запекшиеся уста.

– О Иегова! – прошептал умирающий. – Облегчи меня и прости мои заблуждения. Я всегда провозглашал Твое величие и мудрость, во имя Твое я проповедовал добро и порицал зло. Суди же меня по милости Твоей.

Горячая мольба излилась из сердца моего за того, кто, увлекшись земными страстями, сказал от имени Предвечного: «Око за око, зуб за зуб», но в минуту агонии отвергал это правило по отношению к самому себе.

И тяжело было вступление в загробную жизнь этого могучего духа. Осажденный мстительными тенями своих врагов, он жестоко страдал, как вдруг из глубины бесконечного пространства раздался громopodobный призыв:

«Дух, прикрывший себя именем Предвечного, иди дать отчет в делах своих!»

Термутис

Рассказ Пинехаса

Я родился в Танисе, в скромном деревянном доме моей матери, египтянки Кермозы. Отца моего я совсем не помнил, мать овдовела, когда я был еще грудным ребенком.

Рос я в одиночестве, предоставленный самому себе; старая негритянка, которая считалась моей няней, была постоянно занята – так же, как и прочие слуги, – а о моем существовании вспоминали только во время обеда или ужина.

Я не любил своей матери; ее сварливый и буйный характер внушал мне страх и отвращение.

Она почти целый день проводила в большой комнате, где стряпали кушанье, окруженная служанками, которые должны были рассказывать ей сплетни целого квартала. Но это доброе согласие госпожи с прислугой часто нарушалось неистовыми сценами: при малейшей безделье она приходила в ярость, кричала, с пеною у рта топала ногами, била посуду, и удары сыпались даже на меня, если я случайно подвертывался под руку.

Испуганный и возмущенный, я убежал тогда в обширный сад, который окружал наше жилище. Мало-помалу он стал любимым моим убежищем. Этот сад, некогда прекрасный, был теперь заброшен и запущен, но природа благословенной страны не переставала расточать ему свои дары: цветы и фрукты водились там в изобилии.

Лежа на траве в тени жасминных или розовых кустов, я проводил целые часы в мечтах и наблюдениях. Я следил за неутомимой деятельностью муравьев и птиц, строивших свои жилища, или прислушивался к резким крикам носильщиков воды и продавцов фруктов на улице, которая тянулась за каменной оградой нашего сада. Мало-помалу у меня возникла мысль, что все существа, люди и животные, чем-нибудь да были заняты, за исключением меня одного, и, раздумывая об этом, я почувствовал невообразимую пустоту и скуку. Эта праздная жизнь с каждым днем стала мне казаться невыносимее, и наконец в одно утро (мне было тогда четырнадцать лет) я пришел к матери и сказал:

– Когда я бываю в саду, то вижу вокруг себя непрерывную работу: муравьи волокут свои яйца, птицы выют гнезда, на улице люди продают, покупают, бегают по своим делам. Один я никуда не выхожу, ничего не делаю и умираю от скуки. Дай мне, пожалуйста, какое-нибудь занятие.

При этом неожиданном заявлении мать до того удивилась, что расхохоталась до слез.

– Как ты рассмешил меня, Пинехас, – сказала она наконец, утирая глаза. – Чего тебе не хватает, безмозглый мальчишка? Ешь досыта, спишь сколько хочешь, играешь. Благодарю богов, что они дали тебе мать, которая так хорошо умеет управлять делами, что никогда не нуждалась в помощи и поддержке мужчины. Но если уж тебе так хочется делать что-нибудь, на, возьми эту корзинку с гороховыми стручками и вылущи их.

Я взял корзинку и сел с нею в угол. Но в то время, как пальцы мои лутили горох, мысль улетала далеко.

Я вспомнил праздник Озириса, на котором мы были в прошлом году. Какой гордый и величественный вид имели жрецы! Как все преклонялись перед ними, называя мудрецами и посвященными! Однажды жрец-медик пришел к моей матери во время ее болезни. Он прочитал что-то написанное в свитке папируса, потом назначил лекарство, и она выздоровела. Стоило бы научиться тому, что знают жрецы, а не горох лущить.

С досадой швырнул я корзинку и убежал в сад, неизменное место моих размышлений. Грустный и недовольный, бросился на каменную скамью в тени акаций, у самой ограды.

Не знаю, сколько времени просидел там, как вдруг какой-то внезапный шум заставил меня вздрогнуть. Осмотревшись, я с удивлением увидел, что в садовой стене открылась маленькая дверь, так искусно замаскированная, что до той поры я вовсе не замечал ее, и что в

пролете ее стоит человек высокого роста, очень внимательно глядя на меня. Незнакомец был одет в длинную льняную тунику и темный плащ. Орлиный нос, желтоватая кожа и курчавые волосы обличали в нем семитское происхождение, а черные глаза, выражавшие энергию и хитрость, ярко блестели из-под густых бровей.

– Пинехас! – воскликнул он, схватив меня в объятия и целуя, усадил опять на скамью и прибавил, смеясь: – Не удивляйся, мальчик, что я знаю твое имя, я – старый друг. Но скажи мне, пожалуйста, что ты здесь один делаешь и отчего у тебя такой грустный вид.

Я смотрел на него с недоверием, но горькие чувства, переполнявшие мою душу, взяли верх над осторожностью, и я ответил:

– Мне скучно, потому что я никогда ничего не делаю. Я хотел бы учиться, сделаться мудрым, как жрецы, уметь изготавливать лекарства, как тот врач, который лечил мать... А она смеется надо мной и дает мне лущить горох.

Лицо незнакомца просияло.

– Ты хочешь стать мудрецом, хочешь знать науку о звездах и свойствах растений, проникнуть в таинства, которые преподают в храмах? Будь покоен, Пинехас, твое желание исполнится, ты научишься всему этому. Но теперь беги и приведи сюда Кермозу, только ничего не говори ей обо мне.

Я побежал в дом и позвал мать, которая последовала за мною.

Увидев незнакомца, она испустила такой неистовый крик радости, что я отскочил в испуге.

– Энох! – воскликнула она, бросаясь к нему на шею. – Наконец-то ты вернулся. Где ты был так долго и зачем меня бросил? Смотри, вот Пинехас.

– Да, – отвечал Энох, – мы уже с ним познакомились... Но ты совсем не позаботилась о его воспитании, Кермоза, мальчику необходимо учиться. На днях я представлю его Аменофису, который должен быть у меня в гостях. Что касается до моих путешествий, то сначала я побывал в далеких странах, что лежат за пустыней, и не без выгоды для себя. Теперь же я приехал прямо из Мемфиса, где прожил несколько лет у старого увечного дяди, который, умирая, завещал мне значительное состояние. И вот я вернулся в Танис, и мы можем теперь часто видеться.

Кермоза слушала его вся сияющая. Затем они отослали меня со строгим приказанием молчать.

В эту ночь я не мог сомкнуть глаз: нетерпение видеть человека, который должен был научить меня стольким вещам, возбуждало во мне лихорадочное волнение. Однако несколько дней прошло, а в доме у нас все оставалось по-старому.

Наконец, как-то после обеда, мать позвала меня в свою комнату и принялась наряжать с особенным старанием. Я должен был надеть новую белую тунику, золотой пояс, широкое ожерелье на шею и египетскую шапочку.

– Глядя на тебя, никто не усомнится, что ты сын знатных родителей, – сказала она. – Я нарядила тебя так, чтобы ты произвел хорошее впечатление на Аменофиса, который одно время тоже вздыхал по красавице Кермозе... Это могущественный жрец, но помни: жрецы почитают и любят лишь все блестящее. Теперь, сын мой, – прибавила она, подавая мне плащ, – ступай в сад и жди Эноха у потайной двери.

Ждать мне пришлось немало. Наступила уже ночь, когда наконец отворилась потайная дверь и Энох спросил вполголоса:

– Пинехас, ты здесь?

– Здесь, – отвечал я, быстро вставая с места.

Он схватил меня за руку и повлек за собою. Пройдя обширный сад, а затем маленький дворик, мы вышли на какую-то улицу, мне незнакомую. Энох проворно шел вперед, храня ненарушимое молчание, я следовал за ним, стараясь не отставать, и таким образом мы долго

странствовали по различным улицам, пока наконец не приблизились к одним из городских ворот. Выходя из них, я увидел черного невольника, который стерег колесницу, запряженную парой лошадей.

Энох направился прямо к ней, взял вожжи и приказал мне стать с ним рядом. Лошади помчались, и через некоторое время мы остановились на окраине одного из предместий, перед домом жалкого вида.

Дом этот был окружен садом и очень высокой каменной оградой.

Соскочив с колесницы, Энох постучал в ворота, которые немедленно открылись, и экипаж въехал в пустынный двор, освещенный факелом. Я спустился на землю и вслед за своим проводником вошел в дом, массивная дверь которого тотчас же захлопнулась за нами.

К моему удивлению, насколько внешне это жилище было бедно и непривлекательно, настолько и богато и изящно внутри. Мы прошли через несколько комнат, потом через открытую галерею, выходящую в сад, и остановились в ярко освещенной зале, очевидно приготовленной для приема гостей. Посреди нее стоял стол, окруженный сиденьями из слоновой кости, на столе корзины с фруктами, золотая чаша и маленькая амфора. Стены зала были покрыты роскошными яркими барельефами. В восхищении я остановился перед одной из картин, на которой изображен был человек, сидящий на троне и увенчанный царской короной. Перед ним стоял другой, простирающий руки к небу. Второй барельеф изображал улицу, наполненную множеством народа. Толпа приветствовала радостными кликами человека, стоящего на колеснице, перед которой бежал глашатай и музыканты с длинными трубами.

– Чье это изображение? – спросил я Эноха.

– Эти картины представляют историю великого мужа по имени Иосэф, который некогда был благодетелем народа, очень несчастного и угнетенного в настоящее время. Я надеюсь, Пинехас, что со временем ты оценишь и полюбишь этот народ. Побудь здесь, я должен пойти посмотреть, не приехал ли мой ожидаемый гость.

Прошло около часа, прежде чем появился Энох в сопровождении высокого роста жреца в белой одежде с зеленой бахромой. Его приятное лицо было серьезно и задумчиво, а пронзительные глаза светились живым и глубоким умом. Это был жрец Аменофис.

– Вот Пинехас, о котором я говорил тебе, – сказал Энох, указывая на меня.

Аменофис подошел, взял меня за подбородок и с улыбкой посмотрел мне в лицо.

– Ты сын Кермозы, – начал он, – и желаешь обучаться наукам? Это похвально, дитя мое, но захочешь ли ты расстаться с матерью, ехать со мной в Фивы и жить в храме под моим неусыпным и строгим надзором?

– Если ты обещаешь научить меня всему, что знают жрецы, то я последую за тобою всюду и буду повиноваться тебе, как раб, – отвечал я с пылающим взором.

– Прекрасно. Будь только тверд в этом решении, и желание твое исполнится, – сказал Аменофис, садясь и протягивая чашу Эноху, который наполнил ее вином.

По приглашению жреца мы также сели, и друзья завели между собой продолжительный разговор на неизвестном мне языке. Наконец Аменофис встал, и мы перешли на террасу, выходящую в сад. Ночь была великолепна, воздух напоен благоуханием акаций, роз и жасминов. Жрец облокотился на балюстраду и устремил взор на небо, усеянное множеством ярко сияющих звезд.

– Пинехас, что ты думаешь об этих блестящих точках? Что они такое и зачем находятся там?

Я промолчал, потому что боялся повторить сомнительное объяснение, данное матерью по этому поводу.

– Эти блестящие точки, сын мой, – продолжал Аменофис, – небесные светила и власти наши судеб. Со временем ты научишься распознавать неизменный путь, по которому

они следуют, и узнаешь, что счастье и несчастья людей зависят от передвижения звезд. Если счастливая звезда изольет на тебя благодетельный свет свой, ты будешь счастлив.

Я с трепетом слушал его, готов был расспрашивать всю ночь, мой ум, жаждавший знаний, начинал пробуждаться, но Аменофис прервал меня, сказав:

– Терпение, все придет в свое время. Энох, привезешь ко мне мальчика через неделю. Я беру на себя его воспитание.

В назначенный день мой покровитель увез меня в Фивы и поместил в великий храм Амона, где воспитывалось много других юношей, сыновей жрецов и воинов. Аменофис заметно интересовался моими успехами и помогал мне развивать мои способности.

Я занимался с упорством и прилежанием. В особенности меня привлекали астрология и магия: погружаясь в них, я забывал весь мир. Позже я стал также изучать медицину. Мой ненасытный ум стремился получить как можно больше знаний; когда мне случалось разобрать древний индусский папирус, где говорилось о свойствах какого-либо растения, я с радостью и гордостью говорил себе, что все это только начало и что впереди целая жизнь и новые научные открытия.

Увлеченный учебой, я мало интересовался обществом своих товарищей и не сходил с ними близко. Однако двое из них внушили мне некоторое расположение.

Один, по имени Нехо, добрый веселый мальчик, охотно делил со мною лакомства, которые в изобилии привозил из дома. Другой, Мена, годом старше меня, был сын очень богатого вельможи, занимавшего высокий пост при дворе фараона. Мена оставил училище задолго до окончания мною курса, но иногда приходил туда навещать своих друзей, молодых жрецов.

Эта жизнь, полная энергичной умственной деятельности, но тихая и однообразная с внешней стороны, продолжалась двенадцать лет. Затем наступило время возвратиться в Танис.

За несколько дней до моего отъезда мы с Аменофисом сидели на самой высокой из храмовых террас. Сначала мы беседовали обо всем понемногу, затем наступило молчание. Жрец поднял глаза к небу и стал рассматривать звезды, сиявшие у нас над головой. Мне живо представился вечер, когда я в первый раз увидел Аменофиса, и вспомнились его слова о влиянии небесных светил на судьбы людей.

– Аменофис, помнишь ли ты нашу первую встречу в Танисе, в загородном доме Эноха? Ты сказал мне тогда: «Если доброе влияние неуловимого звездного света изольется на тебя, ты будешь счастлив». С той поры я усердно изучал науку о небесных телах, а между тем многое в ней остается для меня необъяснимым. Я прочел по звездам, что жизнь готовит мне много разочарований. Однако я деятелен, получил большой запас знаний, обладаю силой воли, достаточной для того, чтобы достигать поставленных целей.

Аменофис после некоторого молчания вздохнул и ответил следующее:

– Сын мой, человеку не дано изведать все тайны, которыми Божество окружило его, мы едва приподнимаем край завесы. К моим словам я прибавлю несколько соображений. Знаешь ли ты, Пинехас, говорят, что светящиеся звезды на небе – это миры, подобные нашему, на которых живут существа, похожие на людей, они наделены всеми нашими чувствами, и судьбы их отражаются на наших. Ты знаешь, что вселенная наполнена невесомой первичной материей? Но в природе ничего не дается даром, повсюду царствует постоянный обмен веществ. Обмен этот производит трение частиц, а это порождает огонь, то есть теплоту, которая все оживляет и поддерживает. Один и тот же закон управляет всем, что существует во вселенной, от самого малого до самого великого, каждый мир уравновешен другим миром, судьба каждого человека влияет на судьбу другого. Таким образом, счастье или несчастье наше есть продукт взаимодействия всех существующих явлений.

– Понимаю, – заметил я, – судьба моя зависит от судьбы другого, иногда совсем мне неизвестного человека, который составляет противовес моей личности: мы взаимно обмениваемся нашими токами и тем связаны друг с другом. Точно так же судьбы народов зависят от судеб

других рас, живущих в одном из этих миров. Но это несправедливо, – продолжал я, – так же несправедливо, как тот гнусный, бессмысленный закон, по которому после смерти человека его душа должна искупать свои ошибки и преступления в теле какого-нибудь животного... Веришь ли ты этому учению, Аменофис? Неужели оно не противно твоему разуму?

На губах жреца показалась многозначительная улыбка:

– Ты слишком дерзок, Пинехас, называя несправедливым то, что боги находят справедливым и нужным... И почему этот закон искупления так тебя возмущает? Если ты признаешь, что душа наша есть огонь, что где теплота и движение, там и умственная сила, то должен также признать, что все мы, люди и животные, созданы из одного и того же материала.

– Да, я признаю это. Но каким образом можно наказывать мою душу, с ее уже утонченными страстями, в теле животного? Каким образом человек, полный высоких стремлений, способный к самым тонким соображениям, один дар слова которого указывает высшую ступень умственного развития, – каким образом человек, владыка немой твари, может быть низведен так низко, чтоб в образе зверя стать рабом себе подобных? Нет-нет, Аменофис, учение это или безумие, или возмутительная несправедливость богов.

Прежнее загадочное выражение блеснуло в глубокомысленных глазах жреца, когда, выслушав мою горячую речь, он положил мне на плечо свою нежную выхолонную руку.

– Пылкий юноша! Отчего ты не хочешь допустить, что в настоящее время ты потому человек, что находишься в соответственной умственной среде и принадлежишь к числу наиболее просвещенных людей своего века? Но взгляни на диких пленников, приведенных из последнего похода нашим великим фараоном. Сравнивая их с собой, не испытываешь ли ты то же чувство собственного превосходства, с которым люди смотрят на животных? Подобно зверю этот пленник скован цепями, лишен свободы и даже может лишиться жизни по прихоти своего повелителя. Его бедный и болтливый язык напоминает нестройные звуки звериного голоса, а между тем в своей среде тот же самый пленник был человеком уважаемым и свободным. В нашей же он только животное. Теперь посмотри на небо, полное великих тайн, многочисленных миров, неведомой нам жизни. Почему ты знаешь, что на одном из этих лучезарных светил не обитает само Божество или существа, весьма близкие к нему по своему совершенству? Представь же себе, что тебя перенесли в подобный мир, – какое же положение займешь ты в этой сфере? Сравнительно с ее обитателями ты покажешься так же ограничен, безгласен, неуклюж и некрасив, как животные сравнительно с нами, и, подобно им, будешь смотреть в глаза высшим существам, не понимая их действий и стараясь угадать, чего они от тебя требуют. Народ все принимает буквально и действительно верит, что душа человека воплощается в теле животного для искупления своих грехов. Впрочем, такое верование полезно простым людям: оно смиряет их гордость. Человек страшится потерять свои преимущества и попасть в такую сферу жизни, в которой страсти его будут скованы, а немой язык не способен выражать лукавые мысли.

– А, понимаю, – прервал я, – если мы окажемся недостойны быть людьми на земле, то нам грозит опасность сделаться животными, но только в смысле перехода в такой мир, где по своим умственным способностям мы должны занять место низших существ... Но откуда ты знаешь все это, Аменофис? Кто тебе это сказал?

– Сын мой, чтобы ответить на твой вопрос, я должен посвятить тебя в последнее и самое важное из наших таинств. Ты не принадлежишь к жреческой касте, но твоё рвение и любовь к науке заслуживают, чтобы сделать для тебя исключение из обычного правила. Итак, завтра вечером приходи ко мне, очистившись постом и молитвою.

На следующий день вечером, сильно взволнованный, я пришел к Аменофису. Он немедленно повел меня в обширную круглую залу, слабо освещенную лампадой, и, садясь со мной за стол, стоящий посредине комнаты, сказал с торжественною важностью:

– Пинехас, я хочу возвести тебя на последнюю ступень знания и окончательно просветить твой разум. Несмотря на массу сведений, приобретенных долгими годами постоянного труда, ты встречаешь еще тысячи неразрешимых для тебя вопросов и всю жизнь останешься нищим духом, птицей с обрезанными крыльями, если не объяснишь себе причины многих вещей. Мы, люди, немощны и прикованы к земному веществу, наш ограниченный ум часто приходит в смущение перед фактами, которые познает без системы и порядка. Поэтому мы должны смириться, воздеть руки к небу и молить его даровать нам наставника, способного научить нас истине, свободного от человеческих заблуждений и плотских страстей, обогащенного глубоким опытом безгрешного прошлого. Такого наставника я хочу дать тебе, сын мой.

В сильном волнении, трепеща от охватившего меня чувства суеверного страха, я слушал эти слова. Окончив свою речь, Аменофис положил руки на стол и приказал мне последовать его примеру и хранить глубокое молчание.

Некоторое время спустя он стал дышать тяжело и усиленно. Я поднял глаза и с изумлением увидел, что наставником моим овладел глубокий сон. В то же время вокруг него замелькали какие-то странные, мерцающие огоньки, глухие стуки раздавались в разных местах залы и на поверхности стола начало образовываться белое облачко. Оно расширялось, разливая вокруг мягкий серебристый свет, и в центре его явственно обозначился бюст женщины под покрывалом, над челом которой сияла зеленоватая звезда с разноцветными лучами. Женщина эта протянула из-под покрывала руку, светившуюся бледно-голубым сиянием, и начертала на столе огненными буквами: «Пинехас будет нашим учеником, если окажется того достоин, следуя наставлениям Изиды и воздерживаясь от увлечений земными страстями».

Вслед за тем видение стало бледнеть и рассеялось в воздухе, а Аменофис проснулся с глубоким вздохом.

Но испытанные впечатления были слишком для меня сильны: я весь дрожал, голова моя кружилась, и я лишился чувств. Когда я пришел в себя, Аменофис увел меня в свою комнату, где дал мне все необходимые наставления и указания относительно виденного мною явления.

– Ты теперь ученик Изиды, – сказал он в заключение. – Когда перед тобой будет стоять какой-либо неразрешимый вопрос, сядь за круглый стол, как мы это сделали нынче, и положи на него таблички. Вскоре ты вступишь в глубокий сон, во время которого желаемый ответ будет написан на табличках. Но предупреждаю тебя, Пинехас, что к этому средству можно обращаться только в самых важных и исключительных случаях: злоупотребление им истощит твои телесные силы, и, кроме того, мы не смеем и не должны по всякому поводу вступать в непосредственное общение с Божеством и душами усопших, сохранившими все свои прежние способности благодаря нашему чудесному искусству сохранять тела от разложения.

Спустя три недели я вернулся в Танис и поселился в доме матери, которая очень обрадовалась моему возвращению и очень возгордилась представительной наружностью и ученостью своего сына.

Мне было тогда двадцать шесть лет. Кермоза отвела мне небольшое помещение, выходящее в сад и отделенное галереей от главного жилья, чтобы я мог в тишине и покое предаваться своим ученым занятиям. Я осведомился об Энохе, который только два раза посетил меня в Фивах, но о котором я сохранил добрые воспоминания. Мать ответила, что он живет в Танисе, где купил дом, смежный с нашим, но в настоящее время в отъезде.

– Впрочем, ты скоро его увидишь, – прибавила она, – потому что на днях он должен возвратиться.

Первые дни по приезде я был занят раскладыванием и приведением в порядок своих многочисленных папирусов, пакетов с сушеными травами, мазей и других лекарств, привезенных из Фив. Наконец, однажды под вечер, устроившись окончательно и порядком утомившись, я прилег на кушетку немного отдохнуть, но вместо желанного сна мною овладело какое-то странное оцепенение.

Глаза мои невольно остановились на маленьком металлическом зеркале, которое висело на стене, и на его блестящей поверхности я увидел слова, начертанные огненными буквами: «Ученик Изида, будь верен египетской религии». Я хотел встать, хотел оторвать глаза от зеркала и не мог: оцепенение всего моего организма все более и более усиливалось. Я продолжал лежать как камень и все перечитывал таинственные слова, значение которых от меня ускользало.

Несколько сильных толчков вывели меня из этого состояния. Предо мною стояла мать и твердила в недоумении:

– Пинехас, Пинехас, что с тобой? О чем ты гредишь с открытыми глазами, неподвижный как статуя? Вставай скорее и пойдём. Приехал Энох и хочет тебя видеть.

Я с трудом поднялся с кушетки и, умывшись холодной водою, последовал за Кермозой.

Мы вышли через потайную дверь в садовой стене и направились к дому, в котором до той поры я ни разу не был. С первого взгляда видно было, что дом этот, некогда нежилой и заброшенный, был обитаем. Во дворе и в саду сновало множество слуг, все евреи, и при встрече кланялись нам. Моя богатая белая одежда и гордая осанка, очевидно, внушали им почтительный страх. Один молодой еврей проводил нас в залу, где мы нашли Эноха, сидящего за столом, на котором были приготовлены фрукты и амфора вина. При нашем появлении он быстро встал и заключил меня в свои объятия, потом, усадив с собою рядом, принялся расспрашивать. Лицо его сияло живейшей радостью.

– Наконец ты с нами, Пинехас, взрослый, красивый и мудрый. Иегова да благословит тебя, милое дитя.

Я пожал ему руку и поблагодарил, что он дал мне возможность поступить в храм и учиться.

– Я охотно сделал бы для тебя и больше. Видишь ли, я человек одинокий: был женат три раза, и все мои жены умерли, не оставив мне детей. Но у меня есть сын, в жилах которого еврейская кровь смешалась с кровью египтян, и ему-то хотел бы я передать все, что имею... Пинехас, ты не угадываешь, кто этот сын?

Жгучий взор Эноха заставил меня вздрогнуть, и смутно-тяжелое чувство сжало мне сердце.

– Сын этот – ты, – продолжал еврей. – Я тебя люблю и надеюсь, что ты не откажешься быть преданным мне душой и телом.

Я поднялся с места, бледный от волнения. Наконец мне пришлось узнать, кто мой настоящий отец и что было причиною моего странного сходства с людьми семитической расы.

Бурные чувства боролись в моей душе: стыд и отвращение поднимались в ней при мысли о принадлежности к этому презренному народу, в то же время алчность внушала желание это скрыть, чтоб не упустить богатства, связанного с этим родством, столь унижительного для гордого египтянина.

– Итак, сын мой, – торжественно спросил Энох, – хочешь ли ты тайно перейти в веру Израилеву и сделаться поклонником Иеговы, единого истинного Бога? Все уже готово для принятия тебя в среду нашего народа и назначения наследником огромных моих богатств. Кроме того, мы хотим сочетать тебя браком с еврейской девицей и тем привязать к нам еще более тесными узами.

При этом предложении я отшатнулся, и в глазах у меня запрыгало металлическое зеркало с огненной надписью: «Ученик Изида, будь верен египетской религии».

– Нет, – отвечал я с энергией, – я сделаю для тебя все, кроме этого. Но ты – друг Аменофиса, ты, по-видимому, разделяешь его мнения. Почему же в таком случае моя вера тебе противна и ты требуешь, чтоб я изменил ей?

– Сын мой, – отвечал Энох, садясь, – именно потому, что я разделяю мнения Аменофиса, я и не могу признавать богов, а только Иегову, единого Бога, Творца и Промыслителя вселен-

ной. Что же до дружбы, которую оказывает мне знаменитый жрец, то она началась уже давно, и в моем лице оживает для него дорогое прошлое. Я расскажу тебе эту историю, которая случилась за четыре года до твоего рождения, следовательно, тридцать лет тому назад. Аменофису было тогда двадцать четыре года, и, как сын одного из верховных жрецов, он жил на большую ногу. Я же в то время был еще беден и проживал со своей единственной сестрой в окрестностях Мемфиса. Однажды вечером Аменофис возвращался в город, как вдруг лошади его чего-то испугались и понесли. Колесница опрокинулась, он упал неподалеку от нашего жилья и сильно ушиб себе голову. Мы с сестрой подобрали его, и Эсфирь ухаживала за ним с величайшим вниманием во время его болезни, приключившейся от раны. Как только Аменофис немного поправился, он сказал нам свое имя, и я немедленно известил обо всем его отца, который сильно о нем беспокоился. Последний наградил меня и приказал перенести сына в храм. Но чудная красота Эсфири, которая поистине была прелестнейшая девушка, какую только я когда-либо видал, вскружила голову молодому жрецу: он начал тайно посещать нас. Их взаимная любовь была так сильна, что Аменофис не задумываясь бы женился на Эсфири, но отец его проведал об этих отношениях. Гордый верховный жрец страшно возмутился при мысли о возможности такого неравного брака и принял свои меры, чтобы помешать ему. Нежданно-негаданно, как гром, свалилось на нас повеление фараона, вследствие которого Эсфирь была немедленно выдана замуж за одного молодого израильтянина из нашего колена и вся семья выслана в Танис. Когда Аменофис, которого на то время благоразумно удалили, узнал обо всем случившемся, то потерял голову от бешенства и ревности.

Немедленно путившись вслед за нами, он настиг нас неподалеку от Таниса, заколол кинжалом мужа Эсфири, а ее хотел увезти, но приставленный к нам надсмотрщик отравил ее. Благодаря влиянию верховного жреца все это дело замяли. Аменофис переехал в Фивы, но с той поры сделался тем сдержанным, серьезным и задумчивым человеком, каким ты его знаешь. Он сохранил ко мне теплое чувство дружбы, постоянно мне покровительствовал, и мы не переставали видеться время от времени. Я также имел случай узнать его религиозные мнения и нахожу, что он – великий мудрец. Что же до тебя, сын мой, то я желаю, чтоб ты был моим и сердцем и убеждениями, но так как это тебе противно, то я подожду: может статься, ты со временем переменишь воззрения.

Я повторил, что никак не могу исполнить его желание, и возвратился домой сильно взволнованный.

Спустя час ко мне ворвалась моя мать, вне себя от гнева, и осыпала меня бранью и упреками.

– Осел! – кричала она. – Ты не понимаешь своего счастья и из-за пустяка, о котором и говорить не стоит, отказываешься от такого богатства и красавицы невесты. Посмотри на нее, по крайней мере, прежде чем окончательно решить дело.

Несмотря на мое нежелание, она потащила меня к себе и, осторожно приподняв занавес, отделявший ее спальню от соседней комнаты, прошептала:

– Гляди.

Я заглянул туда и увидел молодую девушку, которая спала на коврах и подушках, нагроможденных на полу. Она была роскошно сложена, у нее был орлиный носик, черные волосы и цвет кожи с желтоватым отливом, что все вместе служило несомненным признаком ее семитического происхождения.

Я с любопытством просунул голову: мне редко случалось до той поры видеть женщин. Воспитанный в строгом храмовом воздержании, поглощенный занятиями, я даже едва ли когда вспоминал об их существовании.

– Кто эта девушка и откуда она взялась? – спросил я.

– Это родственница первой жены Эноха, – отвечала мать. – Он привез ее к нам погостить, чтобы ты узнал ее поближе.

– Жаль, если она приехала только за этим. Она мне не нравится, и я никогда не полюблю ее, я ищу совсем другого.

Мать смотрела на меня, раскрыв рот.

– Она тебе не нравится?.. Но чего же ты ищешь?

– Этого я не могу определить, только чувствую, что эта девушка не соответствует моим желаниям. При виде ее дух не занялся у меня в груди, сердце не забилося сильнее, и я уверен, что под ее веками не скрывается один из тех взоров, которые леденят и жгут, убивают и неодолимо притягивают. Для нее я никогда не отрекись от веры египтян. Отошли ее к какому-нибудь молодому еврею, который, без сомнения, оценит ее красоту.

Уходя, я вспомнил, что ничего еще не ел, и попросил Кермозу прислать мне чего-нибудь закусить.

По возвращении в свои покои я бросился на кушетку, сердитый и недовольный. Едва успел я оставить мирное убежище в храме, как меня принялись уже мучить на все лады. Мысль жениться, да еще на девушке нечистого племени, казалась мне смешной и противной. Я порешил энергически отстаивать свою свободу от каких бы то ни было посягательств.

Углубленный в свои мысли, я не заметил, как в комнату вошла женщина, подвинула ко мне маленький столик и поставила на него кружку вина и две корзиночки с плодами и печеньями. Легкий шум от ее движений заставил меня поднять голову. Передо мной стояла молоденькая девушка с бронзовым цветом лица и чудными формами тела, ее большие задумчивые глаза с любопытством меня рассматривали.

«А, – подумал я, – вот еще новая соблазнительница, которую ко мне посылают». Под моим пытливым взором девушка смутилась и опустила очи.

– Кто ты и почему смотришь в землю? Я не дикий зверь, и тебе нечего бояться смотреть мне в лицо.

– Меня зовут Хэнаис, – пролепетала она дрожащим голосом.

– Ты еврейка?

– Нет.

Я вздохнул с облегчением.

– Зачем тебя прислали ко мне, когда в доме есть невольники? Скажи моей матери, что я хочу, чтобы мне прислуживали мужчины.

И, подкрепившись присланной закуской, я уснул, и никакой женский образ не посетил меня в сновидении.

На другой день я принялся за свои обычные занятия, избегая случаев выходить из дому. Так прошло более двух месяцев, в течение которых ничто не потревожило моей мирной и уединенной жизни.

Энох уехал и увез с собою свою прекрасную родственницу. Мать моя сначала бесилась, но потом развлеклась зрелищами, которые волновали весь город.

Фараон Мернефта переехал из Фив в Танис со всем своим двором. Торжественный въезд государя, выходы его в храмы богов с пышным церемониалом, колоссальная свита жрецов, сановников, воинов, царедворцев и слуг, которая всюду за ним следовала, – все это наполняло город необычайным оживлением. Аменофис также приехал на несколько месяцев в Танис, но, очень занятый, мог повидаться со мной только раз, и то на минуту.

Со времени моего возвращения из Фив я еще ни разу не пробовал вызвать невидимое существо, которое показал мне мой наставник, но в один вечер у меня явилось непреодолимое желание это сделать. К большому моему недоумению, я получил следующую загадочную фразу: «Берегись храма, большая опасность угрожает в нем твоему сердцу».

Встревоженный, ровно ничего не понимая в этом предостережении, я решился посоветоваться с Аменофисом и с этой целью на следующее утро пошел в храм, где рассчитывал его встретить. Когда я приблизился к священному зданию, богослужение только что кончилось и

толпы народа валили из храма, расходясь во все стороны. Я проходил первый двор, как вдруг кто-то окликнул меня по имени. Обернувшись, я увидел очень богато одетого молодого человека, который нагонял меня большими шагами.

– Наконец-то я поймал тебя, Пинехас! – воскликнул он, смеясь и трепля меня по плечу. – Где это ты пропадаешь? Вот уже почти месяц как я в Танисе и нигде тебя не встретил. Приходи же ко мне в гости.

Я узнал богатого Мена, своего старого товарища, и радушно пожал ему руку.

– Извини меня, я очень занят... Но что ты тут делаешь? Ты также пришел повидаться с Аменофисом?

– Нет, я сопровождал в храм сестру мою Смарагду. Пойдем, я тебя с ней познакомлю.

Он быстро потащил меня к небольшой группе людей, собравшихся у выхода под сенью колонн.

Восемь невольников держали открытый паланкин, в котором сидела женщина в белой одежде. Ее окружали несколько молодых людей, оживленно с ней говоривших. Мена приблизился к паланкину, крича еще издали:

– Смарагда, смотри, я веду к тебе моего старого доброго знакомого.

Я поднял голову – и взор мой магической силой приковало к лицу прекрасной египтянки.

Это была девушка в первой поре юности; клафт, украшенный драгоценными камнями, удивительно шел к ее нежному личику. Черты ее были правильны, кожа матовой белизны, а когда она подняла на меня свои большие выразительные глаза, черные как ночь и яркие, как алмаз на солнце, дыхание занялось у меня в груди и будто огненная стрела пронзила всю мою внутренность. Она также, по-видимому, не могла отвести от меня своего взора, в котором выразилось любопытство, смешанное с недоброжелательством. О, если бы я знал, что это потрясение всего моего существа было не что иное, как темное воспоминание о предыдущей жизни, которое учащенными биениями моего сердца как бы говорило мне: «Вот вы опять встречаетесь лицом к лицу в новой телесной оболочке».

Все только что описанное длилось не больше нескольких секунд. Мена прервал течение моих мыслей, сказав:

– Вот Пинехас, мой старый школьный товарищ, о котором я часто говорил тебе, что он трудолюбив как крот. Теперь он живет в Танисе и, надеюсь, будет частым нашим гостем. Это человек любезный и образованный, поручаю его твоей благосклонности.

Смарагда слегка наклонила голову в ответ на мой почтительный поклон. Потом я познакомился с окружавшими ее молодыми людьми. В числе их находились два офицера гвардии фараона, которых легко было узнать по богатой броне и блестящему шлему. Один из них был среднего роста, с сильно загорелым, но умным и приятным лицом, по имени Сетнехт. Другого я уже знал прежде: он провел год у нас в храме, но по своей тупости и лености ничему не научился и, не любимый ни товарищами, ни наставниками, принужден был оставить школу. В настоящее время Радамес (так звали его) был высокий молодой человек с надменной и отталкивающей физиономией. При дворе он занимал должность возничего фараона и, как говорили, находился у последнего в большой милости. Его угрюмые глаза следили за каждым движением Смарагды, а слух жадно ловил каждое слово, которым она обменивалась с Сетнехтом.

Паланкин двинулся в путь, я раскланялся и вскоре потерял его из виду в толпе.

Как пьяный отправился я домой, теперь у меня не было уже никакой охоты видеть Аменофиса: предсказание Изиды объяснилось само собою. Я видел, что опасность, которая постигла меня в храме, была явная. Никогда в жизни я не только не испытывал ничего подобного, но даже не воображал, чтоб какая-нибудь женщина могла произвести на меня такое впечатление, какое произвела эта белолицая Смарагда со жгучими глазами.

Мать заметила мое странное состояние и засыпала меня вопросами, но я вовсе не был расположен к излишням и, грубо отделавшись от ее приставаний, заперся у себя.

Грустный и тревожный, ходил я взад и вперед по комнате, стараясь разобраться в своих мыслях. Сестра Мены нравилась мне до такой степени, что я готов был на ней жениться, не раздумывая ни минуты, но вместе с тем не создавал себе иллюзий на этот счет. Мена был несметно богат и знатного рода, я же едва имел приличный достаток, что же касается до моего происхождения, то о нем я не хотел даже и думать. Сверх всего этого, инстинктивное чувство говорило мне, что я не могу рассчитывать понравиться гордой девушке, на которой уже не раз останавливались пламенные взоры офицеров фараона. Однако чем больше затруднений находил мой рассудок в этом деле, тем сильнее воспламенялось во мне желание добиться цели, несмотря на все преграды. Знакомый с магией, я знал способы подчинять себе волю других и решился попробовать эту силу над Смарагдой. В продолжение нескольких дней я внимательно перечитал все свои папирусы, в которых говорилось об этом, а затем отправился в палаты Мены.

Я был принят братом с веселым радушием, сестрой – с холодной сдержанностью. Не теряя бодрости, я попробовал сосредоточить свою волю, внушать ей различные желания: то встать с места, то дотронуться до какой-нибудь вещи, то взглянуть на меня. После немногих попыток она легко стала подчиняться силе моей мысли, и спустя некоторое время я сделал более решительный шаг.

Я поставил корзину великолепных цветов, каббалистически подготовил их и, наклонившись над ними, представил себе лицо Смарагды. Я мысленно заставил ее глаза глядеть на меня с любовью, ее ротик – нежно мне улыбаться и произносить ласковые слова. Напряжение моей воли было так сильно, что пот градом катился у меня по лицу, но, несмотря на усталость, я, не теряя времени, отправился к Мене в сопровождении невольника, который нес корзину.

Мены не было дома, но Смарагда меня приняла. Она сидела в небрежной позе на кресле из слоновой кости, играя с птицей редкой породы, и казалась еще прекраснее обыкновенного. Она приняла поднесенные ей цветы и стала вдыхать их аромат, я наблюдал за ней в томительном ожидании, и вдруг, к великой моей радости, молодая девушка с приветливой улыбкой повернула ко мне голову и пригласила сесть к ней поближе. Глаза ее блестели лихорадочным огнем, язык в точности повторил все нашептанное мною над цветами, которые ее маленькая ручка один за другим вынимала из корзины.

Довольный, я слушал ее, и сердце мое было преисполнено надежды. Итак, путь к достижению цели найден, – эта прелестная женщина и часть громадного богатства Мены стоили такой трудной борьбы. Я встал, чтобы проститься. Смарагда, которая была бледна и, очевидно, чувствовала себя неловко, вздохнула с облегчением и, отвернувшись, вытерла себе лоб, покрытый потом. В эту минуту я вспомнил, что не внушал ей пригласить меня бывать почаще, – и мой жгучий взор остановился на ее смущенной головке. Почти в то же мгновение Смарагда подняла на меня глаза, взгляд ее был неподвижен, а губы дрожали.

– Приходи ко мне почаще, Пинехас, – проговорила она быстро.

Я вышел, сияя от радости, и с того дня приходил часто, упражняя и укрепляя свою тайную власть над молодой девушкой. Иногда она отказывалась принять меня, но мне достаточно было твердо пожелать противного, чтобы через минуту видеть запыхавшегося невольника, который бежал вслед за мной с приглашением вернуться к его госпоже.

Вполне уверенный в успехе, однажды утром я отправился к Смарагде.

Она встретила меня с мрачным и озабоченным видом, заметно избегая моих взглядов. Не обращая внимания на ее дурное настроение, я сел возле нее и, взяв из рук няни опахало из перьев, стал им обмахивать свою прелестную хозяйку. Затем я устремил на нее пристальный взор и сказал:

– Смарагда, чувства мои, конечно, для тебя не тайна. Хочешь ли ты быть моей женой? Мена так любит тебя, что, вероятно, не станет противиться твоему выбору.

Судорожное движение пробежало по лицу молодой девушки. Она хотела встать, но, поочередно бледнея и краснея, опять упала в кресло и прижала ко лбу свои трепещущие руки.

– Ах! – вдруг воскликнула она. – Ты околдовал меня, Пинехас. Я не хочу быть твоей женой, я не люблю тебя и хочу сказать «нет», а какая-то непостижимая сила заставляет меня говорить «да, я люблю тебя и принимаю твое предложение»... Что все это значит?

Она быстро наклонилась вперед, как бы думая прочесть на лице моем разгадку своих противоречивых чувств. Я был неприятно поражен, но не потерял самообладания.

– Что ты это говоришь, Смарагда, помилуй. Я околдовал тебя? Но ты совершенно свободна в своих действиях, и, если мое присутствие тебе неприятно, я тотчас уйду.

И я направился к дверям, в то же время мысленно заставляя ее произнести слова:

– Останься, Пинехас, я люблю тебя.

В эту минуту Смарагда машинально повернула ко мне свой потускневший взор и прерывающимся голосом пролепетала:

– Останься, Пинехас, я люблю тебя.

Торжествуя, я бросился к ней с раскрытыми объятиями, но, прежде чем успел ее поцеловать, в комнату вошел Мена. Оттолкнув меня, Смарагда бросилась к брату.

– Это неправда, неправда, – воскликнула она, – я не люблю его, я сказала это против воли! Брат, защити меня от этого ужасного человека...

Она судорожно зарыдала и в изнеможении рухнула в кресло.

Ошеломленный Мена вопросительно смотрел на меня. Я увел его в другую комнату и подробно передал ему происшедшую сцену, притворившись, что совершенно не знаю ее причины и могу ее приписать только непонятному капризу молодой девушки. Выслушав меня, Мена с недоумением пожал плечами, но затем обнял меня, назвав своим братом, и пригласил прийти завтра повидаться с невестой.

Когда на следующий день я пришел в его палаты, то узнал, что Смарагда на некоторое время удалилась в храм Изиды, а еще на следующий день невольник принес мне небольшой папирус, на котором были написаны следующие строки: «В храме великой богини меня освободили от власти, которую ты приобрел надо мной, и сказали, что если я хочу сохранить свободу своей воли, то не должна больше с тобой видеться. Избавь же меня от своих посещений и не ищи со мною встречи. Я никогда не буду твоей женой, потому что я не люблю тебя».

Прочитав это послание, я потерял от ярости всякое самообладание.

Несколько дней прошли не знаю как: бешенство и жажда мести до того поглощали меня, что я был глух и слеп ко всему окружающему. Энох возвратился и, по-видимому, был чем-то очень занят и озабочен. Но я думал только об одном: неужели наука бессильна? Если нет, то она должна доставить мне новые орудия для достижения моей цели.

Однажды вечером, мрачный и унылый, я лежал у себя в комнате, как вдруг кто-то сильно потряс меня за плечо.

– Опомнись, Пинехас, и вставай, – произнес голос Эноха. – Как можно предаваться такому бездействию? Пойдем, я хочу представить тебя одному гениальному человеку, который, может быть, составит твое счастье.

Я машинально встал и последовал за ним.

Мы молча прошли сад и многочисленные улицы города; стеснение в груди мешало мне говорить. По выходе из городских ворот нас ждала колесница, мы сели в нее, и Энох погнал лошадей. Быстрая езда принесла мне пользу: вечерний ветер освежил мою пылавшую голову, но сердце продолжало болезненно биться. Я никак не мог свыкнуться с мыслью, что все мои планы уничтожены и Смарагда для меня навсегда потеряна.

Мы остановились у загородного дома Эноха. Невольник принял от нас экипаж и лошадей, а мы вошли в дом. Спутник мой исчез, и я остался один в большой зале, где в первый раз встретился с Аменофисом. Там были приготовлены на столе блюда с жарким, фруктами и сладкими пирожками. Я прошел залу не останавливаясь, поднялся на плоскую кровлю и, облокотившись на перила, стал любоваться чудным видом, который расстилался внизу.

Дача Эноха была построена на холме, и с этой высоты обширный город был виден как на ладони, со всеми своими дворцами, храмами, укреплениями и массивными воротами. Освещенные лунным светом, тихо и величественно катились воды Нила, отражая на своей зеркальной поверхности группы пальм с их густолиственными вершинами, здания, возведенные на берегах, а в самой дали – колоссальный силуэт массивных построек храма Изиды.

Эта грандиозная картина сильно подействовала на мою смятенную душу: я невольно сравнил ад, кипевший в моей груди, с глубоким, божественным спокойствием природы, и при этом все мои бурные чувства словно слились в одно чувство неизмеримой скорби. Я закрыл лицо руками, и слезы хлынули у меня из глаз.

Прикосновение чьей-то руки к моему плечу заставило меня вздрогнуть. Я быстро выпрямился, пристыженный и раздраженный, так как жгучие капли, катившиеся по моему лицу, были смешные и унижительные слезы отверженной любви.

– Пинехас, дитя мое, ты мало доверяешь любви своего отца. Зачем ты хочешь от меня скрыть то, что тебя так сильно огорчает? – сказал Энох, взяв меня за руку.

Я хотел заговорить, но он прервал меня:

– Молчи, я все знаю. Кермоза нашла в твоей комнате холодное и жестокое письмо сестры Мены... Я понимаю твои чувства, так как сам изведаль, что неудовлетворенная любовь жжет сильнее, чем раскаленный песок пустыни, и воспламеняет жажду, которую ничто утолить не может. Но, сын мой, от несчастной любви не умирают, если только имеют достаточно твердости и упования, чтоб достигнуть цели: в этом случае человек так же вынослив, как верблюд, который беспрепятственно проходит песчаную степь. Зачем это уныние? Кто тебе сказал, что ты не можешь добиться обладания этой гордой египтянкой помимо ее воли, если не сегодня или завтра, то, по крайней мере, через год? Слушай, я хочу открыть тебе великую тайну, тайну, которая имеет громадное значение для народа Израильского и, может статься, для твоих собственных целей.

Я свободно вздохнул: слова отца моего, будто прохладный ветер, освежили мое измученное сердце. Если была еще какая-нибудь надежда, я мог терпеть и ждать.

– Человек, о котором я говорил тебе, – продолжал Энох, и глаза его засверкали диким энтузиазмом, – знаешь ли ты, кто он такой? Это – Мезу, дитя, спасенное чудесным образом от избиения младенцев-мальчиков нашего народа и усыновленное дочерью фараона. В пустыне, где он скрывался, сам Иегова удостоил явиться ему и повелел выполнить гигантское дело: он должен освободить народ Израилев, вывести его из Египта, дать ему законы и царствовать над ним. Итак, сын мой, если ты захочешь последовать за мною, то можешь похитить любимую женщину и жить с нею вдали от этой земли рабства, в благословенной стране, которая плодородием своей почвы и изобилием земных плодов походит на Эдемский сад, где обитали наши прародители. Предводимый самим Предвечным, народ Иеговы достигнет этой обетованной земли и получит ее во владение. Там также воздвигнется храм, и понадобятся жрецы и маги; там твоя мудрость и познания доставят тебе славную будущность.

Я слушал как очарованный. Похитить Смарагду, жить с ней вдали от ее гордой родни, поставить ее в полную зависимость от моей воли, – чего же больше мог я желать?

– Ступай в приемную залу, уже время, – сказал Энох, – но смотри не подавай вида, что я говорил с тобой. Будь в высшей степени почтителен к Мезу и следуй всем его советам, потому что сама премудрость Всевышнего говорит его устами.

Он вышел, а я спустился в ярко освещенную залу и, остановившись у стола, с нетерпением устремил глаза на дверь, в которую должен был войти великий муж.

Через несколько минут послышались шаги, и, сопровождаемый Энохом, вошел человек высокого роста, один вид которого внушал уважение, смешанное со страхом. Его выразительное лицо было обрамлено массой черных вьющихся волос, строгое очертание рта показывало железную волю, а под густыми бровями горели темные глаза, взгляд которых нелегко было выдержать. Вслед за Энохом показались седые головы десятка стариков, старейшин колен Израилевых.

Я низко поклонился Мезу, который на секунду остановился и зорко посмотрел на меня. Этот взгляд пронизывал, как острый клинок меча. Я невольно опустил глаза.

– Энох говорил мне о тебе, Пинехас, – произнес Мезу густым металлическим голосом, – и я рассчитываю на тебя.

Слегка кивнув головой, он прошел дальше и сел в кресло, которое было выше всей остальной мебели. На минуту, казалось, он погрузился в размышление, потом, заметив, что все мы стоим, сказал:

– Садитесь, братья. Энох и Пинехас, вы займете места возле меня.

Старики уселись на скамьях, а Энох начал разрезать жаркое, заметив:

– Наш вождь не пожелал присутствия слуг при трапезе.

Затем он наполнил вином золотую чашу и подал ее Мезу, приглашая всех остальных самим угощать себя. Мезу высоко поднял чашу.

– Выпьем за успех нашего предприятия для общего спасения, – сказал он.

Затем, наклонившись ко мне, он тихо прибавил:

– Я считаю тебя в наших рядах, сын мой, не связывая ничем твою волю, так как знаю, что личный интерес скрепил твой союз с нами сильнее всяких клятв. Для страсти не существует ни родных, ни закона, ни религии, ни касты, для нее цель освящает средства. Не так ли? Ведь ты хочешь того, к чему стремится душа твоя?

– Да, – ответил я, опустив голову.

Мезу выпил свою чашу вина, и все присутствующие сделали то же самое. Потом, облокотившись на стол, он обвел собрание огненным взглядом и начал так:

– Братья! Вы знаете решение, принятое нами на случай, если фараон Мернефта, гордый и упрямый человек, откажется освободить наш народ, который так долго терпит муки и угнетение. Мы победим, ибо я прихожу вооруженный могуществом Иеговы и поражу Египет ужасными язвами, как возвестил мне Предвечный у нескораемого куста. Однако для достижения этой цели необходимы люди, которых и указала мне высшая премудрость. Будете ли вы беспрекословно повиноваться велениям Иеговы, выраженным мною, Его послом?

Он встал, все последовали его примеру и в знак покорности склонились перед ним до земли. Я поклонился вместе с прочими, но глаза мои не отрывались от этого поразительного лица. Недаром я был учеником храма и внимательным наблюдателем: в тот момент, когда все головы были преклонены к стопам пророка, мне показалось, что в глазах его мелькнуло выражение горькой иронии...

Я вздрогнул. Уж не издевается ли он над слепой верой, которую внушил этим людям? Но я не имел времени размышлять, потому что Мезу заговорил снова:

– Некоторые из тех язв, которые должны поразить эту страну, будут произведены силою, излитую на вас Предвечным чрез мое посредство, а вами направленною на египтян. Иегова указал мне людей, достойных этого назначения, и ты находишься в их числе, молодой человек, – прибавил он, обращаясь ко мне. – Я вскоре предстану пред лицом Мернефты и потребую у него освобождения избранного народа Божия, но, прежде чем сделать этот решительный шаг, необходимо покончить важное дело. Один из наших братьев, Элиазар, обвиненный египтянами в высасывании человеческой крови, был схвачен и приговорен к повешению, причем язык его

постановили вырвать и бросить на съедение хищным птицам. Приговор этот вдвойне несправедлив, потому что если б Элиазар и высасывал кровь некоторых египтян, то делал бы только то же самое, что они делают с нашим племенем вот уж четыреста лет. На самом же деле вот что произошло: не будучи в состоянии дольше терпеть невыносимое тиранство и вдохновленный волею Иеговы, Элиазар попытался организовать восстание своего колена. Но слишком малочисленные, робкие и не имевшие искусных предводителей, люди эти были разбиты, а несчастный Элиазар, схваченный как зачинщик бунта и, сверх того, обвиненный в высасывании человеческой крови, был приговорен к смерти. Но Господь видит страдания Своего народа. Он хочет освободить его, и всемогущая десница Предвечного поддерживает каждого из наших братьев. Поэтому Он не допустил гибели Элиазара: волею Иеговы им овладел сон, подобный смерти, тело его окоченело, а язык исчез, отнятый на некоторое время самим Богом. Когда перед совершением казни египтяне разжали ему рот и не нашли языка, говорившего с ними несколько часов назад, то пришли в ужас. Кроме того, поднялась страшная буря. Дерево, на котором повесили тело, сломилось, и Элиазар упал в Нил. Египтяне хотят искать тело, чтоб уничтожить его, но мы должны предупредить их. Элиазар не умер, он жив, и я приму меры, чтобы спасти его. Как только придет пора, я дам вам знать, братья. Будьте ко всему готовы, потому что я потребую у Мернефты освобождения моего народа. Теперь идите по домам, а мне нужно еще поговорить с Энохом.

Старейшины почтительно раскланялись и ушли. Я думал с негодованием, по какому праву Мезу называет «своим» народом эти еврейские племена, которым Египет вот уже в течение четырехсот лет доставляет пропитание. Если от них требуют оплачивать это гостеприимство трудом, то такое требование вполне справедливо. Мысль вывести из Египта сотни тысяч полезных работников и тем подорвать благосостояние страны меня возмущала: я все же был, несмотря на примесь еврейской крови в своих жилах, египтянин. Ах, если б я не стремился восторжествовать над Смарагдой и обладать ею во что бы то ни стало! Но эта жгучая страсть сковывала мой язык и делала из меня послушное орудие в руках вождя.

Как только мы остались одни, Мезу обратился ко мне с многозначительной улыбкой:

– Молодой воспитанник храма, не можешь ли ты помочь мне отыскать тело Элиазара?

Я понял, что этот человек, бывший ученик жрецов, посвященный в тайны, знал ту силу, скрытую от народа, но присущую человеку, которая разоблачает столь многое умеющим ею пользоваться. Я решил уже повиноваться Мезу и потому отвечал с поклоном:

– Учитель, если я должен отыскать тело Элиазара, то кого укажешь ты мне избрать орудием для этого?

Подумав с минуту, он отвечал:

– Если ты не найдешь того, что тебе нужно, между еврейскими юношами, которых я тебе укажу и которые предназначены к воздействию на своих товарищей, то надо будет поискать женщину. Ты можешь найти ее между дочерьми людей, бывших здесь сегодня.

В эту минуту я вспомнил о власти, приобретенной мною над волею Смарагды.

– Я знаю одну особу, весьма способную к тому, что нам нужно, но не могу с ней видаться, – сказал я.

Мезу вынул из-за пазухи какой-то камень, ослепительно блестящий и оправленный вроде камня.

– Возьми этот камень, – сказал он, – и постарайся так сделать, чтоб луч его упал на ту особу, которую ты хочешь подчинить своей воле. Она ответит на твои желания. Если тебе понадобится меня видеть, Энох проводит тебя: он знает, где я живу. До свидания, сын мой.

Я протиснулся и вышел, но вместо колесницы потребовал верховую лошадь и отправился в обратный путь мимо палат Мены. В узком переулке, тянувшемся вдоль обширного сада, я остановился, встал на спину лошади и, уцепившись за ветви громадного дерева, взобрался на верх каменной стены, окружавшей сад. Такому ловкому и проворному человеку, каким был

я тогда, спуститься с нее было нетрудно. Я легко соскочил в густую траву и, крадучись как кошка, направился к той части здания, где помещалась Смарагда.

Звук голосов заставил меня вздрогнуть. Подвигаясь вперед с величайшей осторожностью, я тихонько раздвинул листву и совершенно неожиданно увидел Смарагду, которая сидела на каменной скамье и оживленно беседовала с нубийской невольницей. Луна ярко освещала белое платье девушки, ее взволнованное лицо и сверкающие глаза.

– Так это верно, что он придет сегодня, он обещал? – спрашивала она.

– Да, дорогая госпожа, он должен прийти с минуты на минуту.

– Ну, так беги, Тент, к садовой калитке и будь внимательна, чтоб ему не пришлось стучать понапрасну.

Старая няня быстро исчезла, и Смарагда осталась одна. Ее маленькие ручки нетерпеливо перебирали массивные кольца ожерелья, украшавшего ее грудь.

Кого она ждала, кого любила, Радамеса или Сетнехта? Ревность болезненно стеснила мое сердце, но, тотчас же вспомнив Мезу и его обещания, я превозмог себя и вернул свое хладнокровие. Надо было воспользоваться минутами уединения молодой девушки. Я вынул камень из-за пояса, неслышно подвинулся на месте, чтоб стать прямо против Смарагды, и, отклонив ветви кустов, поднял талисман на лунный свет. Через несколько секунд Смарагда закрыла глаза, члены ее стали неподвижны, голова откинулась назад и тяжело уперлась в ствол дерева. Бросив вокруг внимательный взгляд, я вышел из своей засады и, протянув руки к спящей, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.